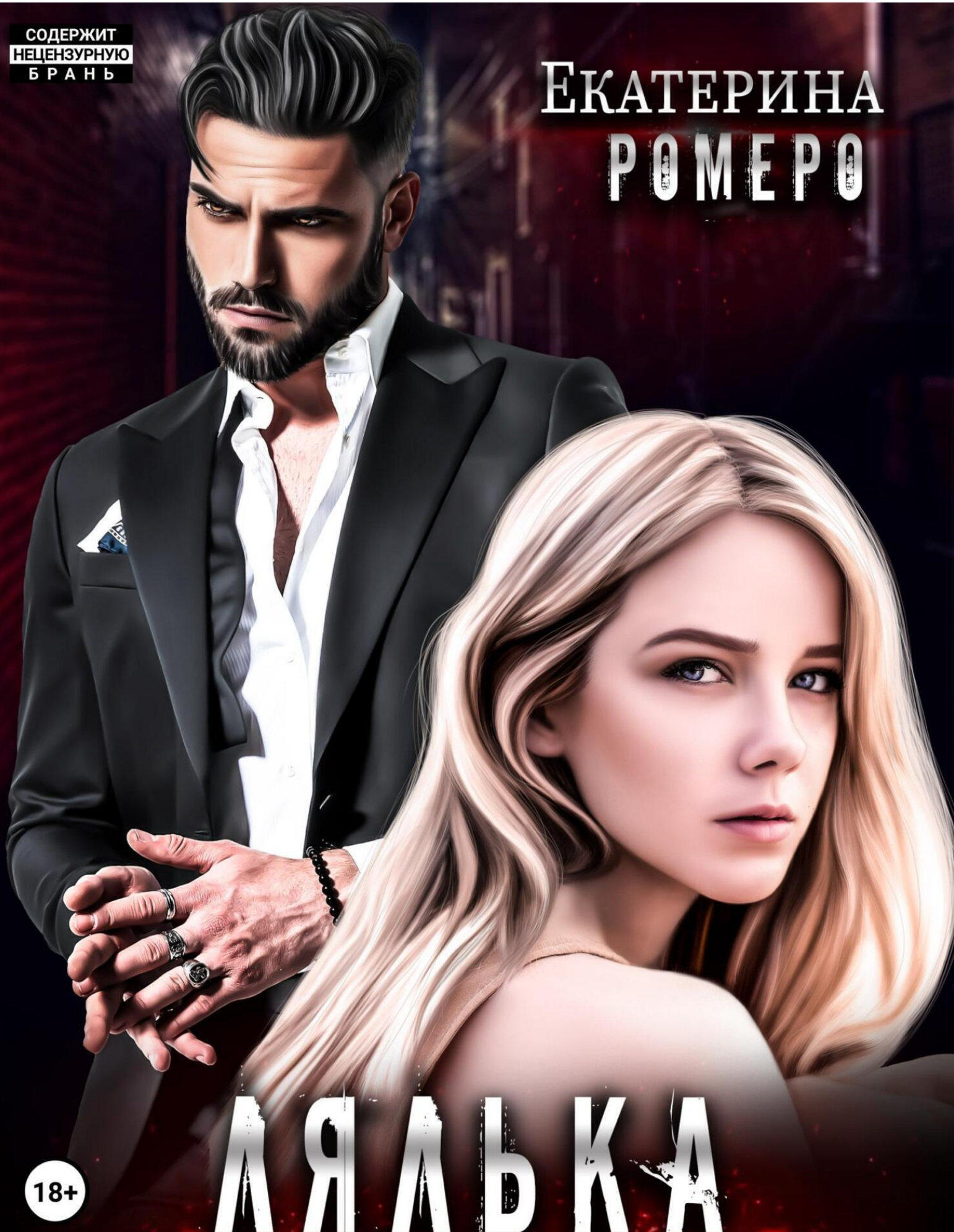

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЕКАТЕРИНА
РОМЕРО

18+

ЛЯЛЬКА

ПО ВОЛЧЬИМ ЗАКОНАМ

КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН

Криминальная любовь

Екатерина Ромеро

Лялька. По волчьим законам

«Автор»

2023

Ромеро Е.

Лялька. По волчьим законам / Е. Ромеро — «Автор»,
2023 — (Криминальная любовь)

Он тот, кто люто ненавидит меня. Я та, кто скрывает секрет, и если я не расскажу его, стану игрушкой в руках опасного бандита, способного сделать со мной все."Мы заключили негласную сделку. Я ему тело, а он мне защиту. Все предельно ясно, вот только мне до дикости страшно отдать свое тело бандиту, который ненавидит меня до скрипа в зубах."Жестокость. Девственница. Криминал. Лихие 90-е.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2.1	8
Глава 2.2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5.1	17
Глава 5.2	19
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	33
Глава 11	37
Глава 12	41
Глава 13	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Екатерина Ромеро

Лялька. По волчьим законам

Глава 1

– Нет, не подходите, а-а-а!

– Заткнись, сука!

Их двое, огромные бугаи идут прямо на меня, и я не успеваю схватиться за ручку двери, чтобы убежать от них. На талию ложатся чьи-то цепкие лапы, сжимают до хруста, а после с легкостью отрывают от земли.

Из горла вырывается истошный крик, оцепенение сковывает тело, кровь стынет в жилах, покрываясь острыми шипами льда.

– Помогите, помог....!

Увесистая мужская пощечина мгновенно меня затыкает. Перед глазами все темнеет, к горлу подступает тошнота. Ноги становятся ватными, во рту чувствую привкус металла от явно разбитой губы. Последнее, что вижу, – отвратительный серый мешок, который один из амбалов надевает мне на голову, туго затягивая на шее.

– В машину грузи. Едем.

Проваливаюсь в черноту. Густую, противную, тягучую. Кажется, я все же потеряла сознание от того удара, но длится это недолго. Я прихожу в себя от сильных покачиваний, однако подняться не могу.

Мои руки. Кажется, они связаны за спиной, так же как и ноги. Чем-то жестким, колючим, царапающим кожу, отчего сразу чувствую жжение. Половина лица словно онемела, жадно хватаю воздух носом, в этом мешке практически нечем дышать.

– М-м-м-м!

Не могу проронить ни слова. Из груди вырывается какое-то мычание. Мой рот заклеен, похоже на скотч. Пытаюсь думать логически, хоть это сейчас чертовски трудно. Куда они везут меня, кто они такие, за что...

Первая мысль – ограбление, но нет. Эти амбалы не похожи на простых грабителей, да и с меня нечего взять. Сумку бы забрали и убежали, но она рядом лежит, я чувствую ее ладонью.

Жадно хватаю воздух, подавляя тошноту. В этом мешке ничего не видно, поэтому все, что могу, – прислушаться к себе. На мне есть одежда, и это хорошо. Простая шерстяная юбка до колен, кофточка и легкая куртка. Ничего необычного, все как у всех. Одна нога босая. Кажется, с меня слетела обувь, когда один из этих бандитов заталкивал меня в машину.

Сглатываю. На шее чувствую свою подвеску с маленьким золотым крестиком. Они могли бы ее забрать, но если грабить меня они не собираются, тогда что... Что им нужно от меня?

Лихорадочно прокручиваю последние недели, дни, часы... это не случайность, эти амбалы уже меня ждали.

– Шах идет?

– Да.

Они почти не говорят, я успеваю услышать лишь несколько слов, которыми эти бандиты перекидываются между собой. Их голоса грубые, жесткие, а у меня слезы наворачиваются от ужаса и сердце неистово прыгает в груди. Кто такой этот Шах, что им нужно от меня... Что?

Я могла бы орать в голос, реветь и брыкаться, однако решаю не выдавать того, что я давно пришла в себя. Пусть думают, что я еще в отключке, и, возможно... возможно, я смогу спастись, найти помощь, сбежать от них.

Милиция – приходит в голову первая мысль, но тут же ее отметаю. Мне она уж точно ничем не поможет.

Машина едет где-то полчаса, все это время меня бросает по багажнику, и я чувствую телом каждую кочку, но хуже другое. Мешок на голове. Он почти не пропускает воздуха, шнур на шее очень туго затянут, и вскоре я понимаю, что снова отключаюсь, падая в бездну жуткой неизвестности.

– А-а-а!

Прихожу в себя резко от дикого холода. Все тело пробирает судорога, а с кончиков волос стекают капли, словно меня только что окатили ледяной водой из ведра.

Открываю глаза, пытаюсь сфокусировать взгляд. Они сняли с меня мешок, но от удара мне сложно сразу понять, где я нахожусь. Большая комната, здесь темно и зябко, сыро, желтый свет рассеивается с потолка. Потрескавшиеся стены с облезлой штукатуркой, серый бетонный пол. Я лежу прямо на нем и уже чувствую, как кости начинают скрипеть от этого дикого холода.

Кончиком языка пытаюсь коснуться явно разбитой губы, но сделать это не получается, мой рот все еще заклеен.

Дышать тяжело, но плакать я не могу. В теле жуткая слабость, и сильно кружится голова. Кажется, меня сильно ударили, малейшее напряжение в лице отзывается болью.

Вздрагиваю, когда кто-то подходит ко мне, рывком сдирает скотч, разрезает веревку на руках. Я тут же хочу подняться, но ладони сильно онемели, поэтому вместо того, чтобы хоть как-то встать, снова падаю на пол, в лужу ледяной воды.

– Глянь, как карабкается. Живучая тварь.

– Епта, лягушка! Ползи, блядь!

Ржут. Громко, едко, пренебрежительно, словно не человек перед ними, не женщина, а просто кусок мяса. Становится жутко. Это никакая не шутка, не дурацкий розыгрыш. Боже, куда я попала?

– Кто вы... что вам нужно от меня?

Поднимаю голову и вижу их лица. Бандитские, дикие, жестокие. Один русский, молодой, второй шатен, явно старше. Высокие, крепкие, здоровые мужики. Оба хорошо одеты, изысканно даже, совсем не похоже на дворовых воругов, но хуже другое: они совсем не скрывают лиц, а это значит, не боятся, что я их запомню. Кажется, это плохо, это очень плохо.

Пересиливая себя, все же поднимаюсь, опираясь руками о пол. Сажусь на колени. Мокрая вся, дрожь пробирает тело. Мои длинные волосы сосульками свисают по обе стороны от лица, на запястьях замечаю красные следы от веревки. Кровь выступила. Жжет.

Машинально ищу глазами дверь, окно, выход, которого здесь нет. Только вентиляционная шахта, какие-то трубы... боже, это же подвал.

Вздрагиваю, когда тяжелая металлическая дверь распаивается, а в ней тень стоит. Огромная, мертвенно спокойная, черная. Это он. Шах.

Почему-то опускаю взгляд в пол и первыми вижу начищенные до блеска черные кожаные ботинки. Скольжу дальше по сильным мускулистым ногам, облепленным брюками, распахнутой кожаной куртке, черной рубашке, широким плечам, смуглой шее. И только мельком захватываю лицо. Он взрослый, намного старше меня. Знойный брюнет, цепкий взгляд, четко очерченные губы, нос с небольшой горбинкой, явно когда-то перебитый. Он похож... похож на змея.

Мужчина идет ко мне молча, ступает по бетонному полу тяжелым шагом. Ближе и ближе, заставляя меня машинально отползти назад, сжаться всю, начать дышать быстрее и подсознательно понимать, что он здесь главный.

– Кто вы такие? Что вам нужно от меня?!

Не выдерживаю, тело бьет судорога, но Змей не спешит отвечать. Он подходит вплотную, смотрит на меня в упор несколько секунд тяжелым взглядом. Я же даже не шевелюсь. Он

такой высокий, огромный просто, и я... сижу перед ним на коленях. Беззащитная, дезориентированная, перепуганная до ужаса. А еще я улавливаю его запах. Терпкий, очень мужской, сильный, опасный.

В какой-то момент Змей приседает предо мной на корточки, и я впервые встречаюсь с ним взглядом. У него густые брови, длинные ресницы, большие миндалевидные глаза... блестящие бездонные черные зрачки с янтарными слитками вкраплений, смуглая кожа, короткая щетина, строгие губы. Шах смотрит прямо, но от его взгляда у меня почему-то мороз идет по коже, хочется прикрыться, спрятаться от него, убежать на край света.

– Ну что, Катюш, беседовать будем?

Его голос очень низкий и бархатный, в нем чувствуется сталь, направленная острым лезвием. В меня.

Боже, этот страшный мужчина знает мое имя... откуда?

Глава 2.1

– Откуда вы...

Договорить не успеваю, потому что в тот же миг Змей поднимается, хватая меня за шкурку и тянет к себе. Близко, слишком близко для того, чтобы мое дыхание сбилось и я снова уловила его терпкий мускусный запах.

– Пустите, нет!

Пытаюсь отбиться, но это все равно что сдвинуть каменную стену с места. Ох... Шах очень высокий, как будто тренированный, и мои попытки оттолкнуть его напоминают схватку хилого котенка со львом.

– Слушай меня внимательно, лялька. – Шах держит меня практически на весу за куртку, я едва достаю носочками до пола. Быстро реагирую на его голос. Хорошо поставленный, басистый, жуткий. – Я буду задавать вопросы. Ты будешь отвечать. Правдиво, и, может быть, ты сдохнешь быстро.

Лялька. Меня так никто не называл, и из уст этого бандита данное прозвище навеивает смерть, агонию, пытку.

– Вы... вы перепутали меня с кем-то! Вы что делаете? Пустите! – рявкаю, и Шах усмехается, показывая белые ровные зубы, островатые клыки, как у зверя дикого. У него короткая щетина, смуглая кожа, большой рот с чувственными губами, черные глаза и короткие густые волосы. Внешность необычная для наших краев, и почему-то я не могу отвести от него взгляд. Я еще никогда не видела такого опасно красивого мужчину, который напоминает мне ядовитого черного змея.

Внезапно хватка на моей куртке ослабляется, я опускаюсь на ноги, которые с трудом меня сейчас держат. Шаг подходит вплотную, наклоняется к моему уху. Близко, заставляя задержать дыхание, чтобы не вдохнуть его опасный запах.

– Еще раз откроешь рот без спросу, я тебе выбью зубы. Поняла?

Грубо, жестко, на грани лезвия. Его хриплое дыхание и бархатный голос провоцируют у меня мурашки.

– Я не слышу. Ты поняла меня, ляля?

Быстро киваю, стараясь быть спокойной, я еще не понимаю... пока не понимаю. Змей пристально смотрит на меня, а после поддевает мой подбородок пальцем, заставляя высоко задраить голову, чтобы увидеть его черные глаза.

– Смотри на меня. Как давно ты работаешь?

Его прикосновение жалит, я вся сжимаюсь, ловя какие-то опасные разряды тока. Шах не делает мне больно, но я не знаю, чего от него ожидать.

– Я еще не работаю.

Он усмехается, но улыбка его похожа на какой-то оскал. Злой, свирепый, дикий. В следующий миг этот зверь с легкостью хватая меня за переднюю часть куртки, подтягивая к себе. Близко, запредельно близко.

– Кто. Твой. Заказчик? Назови имя. Лучше сама признайся, тварь.

– Я не знаю... Не знаю! Я учусь еще... Вы ошиблись, я ничего не знаю, ничего!

Змей как-то резко отпускает меня. Я не удерживаюсь на ногах, падаю на пол, больно ударяясь о бетон. В меня тут же летит конверт, набитый фотографиями. При падении часть из них выпадает, и я вижу себя.

В своей куртке. **Это было две недели назад.** Я передаю папку в руки какому-то незнакомому мне мужчине... Папку документов. Тех самых документов, но в конверте замечаю еще чьи-то фото. Кровавые, страшные кадры. Я с трудом различаю на них девушку. Очень молодую, безумно красивую, с черными длинными волосами. Она голая, изрезанная так, что на ней

нет живого места, а еще она не живая... я понимаю это по нескольким снимкам, где ее губы синего цвета. Это же... это фото трупа.

– Боже...

К горлу подкатывает едкая тошнота, заставляя быстро приложить ладонь ко рту. Это какой-то кошмар, не может быть, не может. Я не могу быть с этим связана. Никак.

– Не знаешь ничего, да? – чеканит Шах, после чего наступает на эти фотографии и почему-то идет в другой конец подвала. Я же, пользуясь случаем, подрываюсь на ноги и несусь к двери. Резко, быстро, из последних сил. Глупая. Их тут трое, я одна. Никто мне не поможет, никто.

– Помогите, помогите!!! А-а-а!

Я не успеваю даже добежать до двери. Один из амбалов настигает меня в два счета, хватая за шкуру и тащит куда-то в другой угол. К Шаху, который даже не сдвинулся с места.

– Нет, нет, пустите, хватит! Боже, не надо-о-о!

Наверное, я в жизни так не кричала, до порванных связок, до хрипа в горле, однако длится это всего несколько секунд, прежде чем Змей хватает меня за горло, наклоняя над какой-то высокой бочкой. С водой.

– Я спрашиваю еще раз. Кому ты сливала девок, кто тебя крышует, говори, сука!

Его глаза как черные алмазы. Большие, темные, свирепые. Яркий янтарь бликует в черной смоле, в них хочется утонуть. Меня трясет, в голове словно все сбилось в тугий комок, страшно так, что начинает мутить. Я не могу сказать ему ничего. Не имею права.

– Я не зна...

Договорить не успеваю, потому что в следующий миг Шах надавливает рукой мне на шею и окунает меня в бочку с головой. Глубоко, погружая в ледяную воду до самой груди.

Я не успеваю глотнуть воздуха и с ужасом понимаю, что выбраться из этой воды я не могу! Он держит меня, сцепив кулак на моих волосах. Это длится несколько долгих секунд, заставляя трещать мои легкие, задышаться без капли воздуха и барахтаться в этой воде, как слепого котенка, которого топят.

– А-а-а!

Я чувствую, как он резко достает меня из бочки. От шока я только и могу, что распахнуть рот и ошалело глотнуть воздух, закашляться. По телу бежит вода. По шее, рукам, груди, попадает за пазуху.

– Кому ты слила Карину? Говори, русалка, не то плавать будешь долго.

От ужаса и холода начинают стучать зубы. Кажется, он здесь меня убьет.

Глава 2.2

– Я не знаю... не знаю, кто это! Не знаю! Пожалуйста, отпустите...

Шах смотрит всего секунду, Боже, он мне не верит.

Вскрикиваю слабо, когда он хватает меня и снова погружает в воду. На этот раз еще глубже, намного дольше, и я все жду, когда этот зверь отпустит меня, но он не отпускает. Ни через три секунды, ни через двадцать. Паника накрывает с головой, заставляя с силой вцепиться пальцами в бочку, и я царапаю ее до крови, ломая ногти.

Воздух быстро заканчивается, и я не удерживаюсь, делаю вдох, но вместо него в легкие попадает только вода. Ледяная. Как тогда на озере... Страх миглом парализует тело, заставляя начать задыхаться и тонуть. Я всегда боялась открытой воды. Даже так, в емкости. Она вызвала у меня животный ужас и панику. И вот теперь эта паника просто сжирает меня живьем, заставляя буквально топиться в этой высокой бочке.

Внезапно зверь достает меня из воды, встряхивает, чтобы я сделала вдох, и я падаю на пол. Ноги не держат. Из рта вырывается глухой кашель. Снова и снова, пока я не прочищаю легкие.

– Ну что, русалка, вспомнила имена?

Он наступает. Как хищник, идет ко мне медленным тяжелым шагом, заставляя подползти к стене. Упереться в нее спиной.

– Нет... нет!

Шах настигает быстро. От страха меня так сильно трясет, что стучат зубы. Этот мужчина высокий, крепкий, сильный. Когда в его руке сверкает нож, у меня темнеет перед глазами.

– Пожалуйста... пожалуйста! – шепчу снова и снова, понимая, что он меня здесь просто прирежет, а умирать мне нельзя. Только не сейчас, я обещала.

– Что, Катюш, жить хочется?

Киваю, не в силах ответить. От ужаса все тело словно обручем стянули, в груди все еще чувствую давление воды.

– Я не хотела. Не хотела ничего плохого!

– А вот и правда! Говори, кукла. Я слушаю.

При этом Змей медленно поднимает меня и одним рывком с помощью ножа распарывает на мне куртку вместе с кофтой. Вещи тряпками падают на пол, и я остаюсь в одном только лифчике перед ним. Перед ними всеми.

Практически голая до пояса, дрожащая, беззащитная. Я вижу, как Шах смотрит на меня: жадно, голодно, страшно...

– Вас всех посадят, всех до одного, за мое похищение! Я не сделала ничего плохого! Не трогайте!

Мой дрожащий голос их вовсе не пугает, а, кажется, наоборот, лишь распаляет. За спиной Шаха кто-то мерзко свистит, но я не могу смотреть никуда, кроме как на этого высокого мужчину. Тянусь руками, чтобы прикрыть грудь, но он с легкостью их перехватывает, заводя мне за спину, сжимая своей большой сильной ладонью.

Второй рукой Змей проводит по моей щеке, шее, медленно опускаясь к груди, задевая сосок через лифчик.

– Какая ты сладкая, сука.

– Не надо...

Усмехается дико, но меня не отпускает, и я в ужас прихожу, когда Змей берет нож и подносит ко мне. Тут же чувствую легкое жжение в ключице. Господи, он же меня тут на куски порежет!

– А-ай!

Кожа немного щиплет, но хуже другое, ведь я вижу, как Шах наклоняется и слизывает капли моей крови с лезвия большим языком, после чего кривится и сплевывает, будто ему противно все, что связано со мной.

По телу проходит разряд оголенного тока. Боже, он точно Змей. Чудовище...

– Кому ты сдала Карину?

– Я ничего не знаю! Хватит, пожалуйста, перестаньте!

Прикусываю щеку изнутри. Если хоть слово ему скажу, будет хуже. Он попугает и отпустит. Этот бандит же не сможет мне ничего сделать... или сможет?

– Готовься тогда. Будь хорошей девочкой.

Шах коротко кивает, и я вижу, как его глаза еще сильнее темнеют, зубы сжимаются от неприкрытой ненависти. Ко мне.

– К чему?

– К твоему персональному аду. Ты испытасешь все блядские прелести на себе, Ка-тя! Все до одной. То, что с Кариной стало, для тебя покажется цветами. Ты станешь нашей шлюхой, телом общего пользования, пока не вспомнишь имена!

– Что... Нет, нет, пожалуйста! – шепчу сквозь слезы, не веря в тот ужас, который слышу. Нельзя же так, нельзя...

– Готовься, лялька. Нас много, хотя, думаю, ты привыкшая. Ярдан, забирай.

– Куда, Шах?

– Ко мне. Первым буду, – чеканит Змей и резко отпускает меня. Я сразу падаю на пол, закрывая лицо руками. Я не могу сказать ему правду. Я просто... не могу.

Глава 3

Я сижу на коленях, когда это чудовище уходит. Змей, и глаза у него змеиные. Черные, агрессивные, с яркими янтарными вкраплениями. В этот момент жалею, что до сих пор не потеряла сознание. По какой-то причине меня все никак не отключало, хоть и сил было критически мало. Тело словно струна напряглось в его присутствии и не отпусало, пока Шах не вышел за дверь.

Шах... они его так называют, но имени его настоящего я так и не услышала. Ведь имя у этого монстра должно быть человеческое, хотя я сильно в этом сомневаюсь.

– Вставай, шевелись, блядь!

Они оба ему подчиняются. Эти головорезы на две головы выше меня. Ярдан и второй, имени которого я пока не знаю. Они бросили мне разорванную куртку и, подхватив под руки, потащили куда-то наверх. Я упиралась, цеплялась за кирпичную стену пальцами, больно ударяясь коленями об острые ступени, но, конечно, противостоять им не могла.

Бандиты вытащили меня из этого глубокого сырого подвала. Дрожащую, мокрую, вне себя от ужаса и шока.

Я оказываюсь в большом длинном коридоре, по которому меня ведут под руки, будто преступницу. Через минуту мы попадаем в закрытый зал, а затем еще в один. От сковавшего тело ужаса я почти не смотрю по сторонам. Замечаю только через одно из окон, что уже давно ночь, и это точно самый страшный сентябрь в моей жизни.

Я ступаю босая по красному мягкому ковру, стараясь хоть как-то собрать мысли в кучу. Что делать, мамочка, что мне теперь делать... Все поломалось, рассыпалось как карточный домик, и карты эти полетели мне в прямо в горло, испарывая его до крови. Знала ли я, что пострадает девушка? Не знала. Был ли у меня выход? Да. Петля на шею. Хотела ли я этого? Нет. Только не так.

– Быстрее! Ярдан, бери девку, и пошли. Я уже заебался ее тянуть.

– Сюда иди, заюнь.

Кажется, тащить меня им надоело, и, подойдя ко мне, шатен подхватывает меня за талию, перекидывает через широкое плечо и быстро идет вперед.

Я не знаю, куда мы попадаем, но сразу же улавливаю едкий сигаретный дым и откуда-то доносящуюся музыку. Похоже, мы зашли с черного входа, судя по каким-то ящикам, поставленным у стены.

Ярдан держит меня очень крепко, и я даже не шевелюсь. Он поднимается со мной на второй этаж. Здесь оказывается намного спокойнее, даже музыки не слышно. Открывается дверь, мы попадаем в небольшую комнату, после чего он просто сваливает меня на пол. Я падаю точно мешок картошки, больно приземлившись на колени.

– Выпустите меня! Я ничего не знаю!

Еще одна попытка. Я просто передала документы, и все! Там не могло быть ничего такого... или могло? Я не знаю, но и рисковать не могу. Если расскажу все, будет хуже, а куда уже хуже, я и сама не знаю.

– Шаху скажи, хотя можешь и дальше молчать. Трахать тебя будет веселее. Я люблю, когда телка сверху. Надеюсь, ты хорошая наездница.

Ярдан подмигивает мне и грязно облизывается, пялясь на мою грудь, и я невольно прикрываю ее сильнее курткой. Он смотрит на меня как на кусок мяса, их игрушку, шлюху общего пользования... Боже.

Дверь захлопывается, и, оставшись одна, я прикладываю ладонь ко рту, пытаюсь успокоиться. Эта комната не очень большая, просто обставлена. По центру стоит огромная застеленная кровать, тумбочка, большой шкаф. Здесь точно никто не живет, но, может... ночует.

На стеллаже у стены замечаю какие-то бутылки, шампанское, явно недешевое виски. Я знаю, как выглядит дорогой алкоголь, хоть ни разу и не пробовала ничего такого. Подхожу к ним. Не знаю зачем, но беру бутылку коньяка, прячу под кровать. Да, оружие так себе, но я больше не нахожу ничего, чем могла бы защитить себя от этих зверей.

В голове всплывают те страшные фотографии. Жуткие кровавые снимки изувеченной молодой девушки. Карина. Шах так ее называл, рычал, точнее, мне в лицо.

Пытаюсь вспомнить все до деталей. Я просто передала папку. Я не смотрела, что там, я не должна была... Я не могла отказать, а теперь этот страшный мужчина думает, что я как-то причастна к смерти той юной девушки...

Машинально прикладываю руки к груди, шее, касаясь нежной кожи там, где Змей меня трогал. В тех местах кожа до сих пор горит, пульсирует даже. Порез на ключице щиплет, выступило еще несколько капель крови, и точно останется след. У меня плохая кожа. Чуть повреди – уже будет шрам. Запястья тоже уже покраснели. Не от веревки вовсе, а от его рук. Невероятно сильных, обжигающих меня, как пламя.

Шах смотрел на меня своими черными глазами так, словно ненавидел каждую мою клетку, будто был готов убить на месте, но выбрал для меня судьбу похуже смерти. Стать общей, общей игрушкой. Господи...

Не знаю, сколько проходит времени. Неизвестность парализует мозг. Пытаюсь собраться и мыслить логически. В этой комнате крошечное окно. Не выбраться. Дверь заперли снаружи на ключ. Звать на помощь смысла нет. Они все заодно... Сумка! Моя сумочка. Где же она?

Быстро оглядываюсь по сторонам. Там есть телефон – простой, кнопочный, но все равно. Я могла бы... могла. Есть! Эти сволочи забыли ее забрать. Бросили рядом вместе с курткой. Это мой шанс, наверное, единственный.

Хватаю сумку, достаю телефон, но, как только набираю милицию, сразу сбиваю вызов. Нельзя. Нельзя же... Господи. Будет хуже, а куда уж хуже, и я сама не знаю. Быстро отключаю телефон и прячу в сумку. Ее заталкиваю глубоко под кровать.

Стягиваю покрывало, обматываюсь им до подбородка. Опускаюсь на пол, стараясь успокоить бешеное сердце.

Этот мужчина с черными глазами сделал меня куклой в своем логове. Пешкой в чужой для меня игре, из которой, похоже, мне не выбраться живой, но хуже другое. Он сказал, что будет первым! Первым среди всех, и он придет за мной... очень скоро.

За дверью раздается шорох, я вскакиваю на ноги, стараясь унять прыгающее сердце в груди.

Глава 4

– Просыпайся, эй, ты живая?

Кто-то тормошит меня за плечо, и я резко распахиваю глаза. Предо мной стоит молодая женщина с четко подведенными зелеными глазами. Уже утро, из крошечного окна доносится свет. Я даже не заметила, как отключилась ночью.

– Кто вы?

– Влада. Вставай, чего уж разлеглась. Идем.

– Куда?

– Готовиться, хотя... ну-ка, покажись.

Она наклоняется и берет мое лицо, поворачивает в сторону, недовольно качая головой.

– Сегодня убирать будешь. И никому на глаза не попадайся.

Хватаю ее за руку. С силой сжимаю.

– Отпустите, умоляю! Дайте мне уйти! Меня сюда насильно привели!

– Не трогай меня! – Влада скидывает с меня руки, будто они облиты ядом. – Как Шах сказал, так и будет! Я бы сама тебя за Каринку... четвертовала, сука ты такая. Иди!

В этот момент я понимаю, что никто мне здесь не поможет, я для них враг. Я та, которая сделала нечто ужасное с молодой девушкой. Единственное, чего я не знаю, – кто такая эта Карина и кем она приходится Змею.

Влада приносит мне явно ношенную одежду и форму, мои старые разорванные тряпки забирает. Я успеваю лишь быстро принять душ, пока она меня ждет у входа, как надзирательница. Даже не заметила сразу, что здесь есть ванная, ночью меня просто отключило, но даже теперь, переодевшись, я едва стою на ногах. У меня сильно кружится голова и то и дело все плывет перед глазами.

Мы вместе проходим по большому коридору, спускаемся по крутой лестнице в зал. Я с силой держусь за поручни, сходя по ступенькам, чтобы не упасть. На первом этаже оказывается настоящий клуб, огромный... со сценой, баром и столиками. Все идеально чистое, кресла обшиты черным бархатом, в стороне бара красиво выставлен алкоголь, блестят начищенные бокалы. Я не бывала в таких заведениях раньше, но видела по телевизору похожие.

– Чей это клуб?

– Шаха. Это одно из его заведений. Официальных, по крайней мере.

Поджимаю губы, понимая, что невольно перешла дорогу очень богатому человеку, который вчера едва не утопил меня... в самой обычной бочке с водой.

– А эта девушка, Карина... кем она ему приходится?

– Ты, девочка, говори, да не заговаривайся. Дурочку не строй из себя. Ярдан проболтался, что тебя взяли, я даже удивилась сегодня, что ты все еще живая. Думала, Шах за родную сестру тебя сразу четвертует.

Сестра... та бедная девушка с фото – его родная сестра! Дела становятся хуже, чем я ожидала. Намного хуже.

Пытаюсь еще эту Владу разговорить, но она лишь отмахивается, тогда как у меня настолько мало информации, что я даже не знаю, за какую ниточку ухватиться, чтобы выйти отсюда. Живой.

Времени на слезы мне не дают, Влада быстро вручает мне ведро с тряпкой, перчатки, моющее средство и отправляет убирать зал. На входе замечаю охрану, которая сразу дает понять, что никто меня не выпустит отсюда, а я слишком слабая против любого из них, чтобы пытаться прорваться самостоятельно.

Опасливо оглядываюсь по сторонам. Те головорезы вчерашние тоже могут быть здесь, а встречать их мне уж точно не хочется. Только зайдя в туалет поменять воду, я мельком бросаю

взгляд на себя. Перепуганная, бледная, с огромным синяком на всю щеку. Он уже посинел и жутко болит. У меня плохая кожа с детства. Очень тонкая, чувствительная, полупрозрачная. Только тронь – след остается, а тут такой удар... похоже, неделю сходить будет.

Касаюсь пальцами крестика на шее. Сжимаю в руке. Боже, помоги! Спаси, убереги от зла, сделай так, чтобы этот мужчина Шах не навредил мне, а я... я справлюсь. Я все вынесу, я должна, у меня просто нет иных вариантов!

Весь день Влада не спускает с меня глаз. Следит за каждым шагом – и, уверена, неспроста. Ей сказали так делать, она тоже против меня, как и все тут.

Днем посетителей немного, однако под вечер начинают сходить гости, хотя как гости... здоровенные мужики, явно под завязку набитые деньгами, в сопровождении своих дам. Я же места себе найти не могу. Я не была раньше в таких заведениях, поэтому увидеть полуобнаженных девушек на сцене для меня как-то дико, неправильно, грешно, но хуже другое, ведь я вижу ЕГО.

Шах. Он приходит поздно вечером, за руку здоровается с тем вторым... Ярданом, который меня бросил в ту комнатку. Они выглядят как дикие волки, плечистые, крепкие мужики. Змей чуть выше, здоровый, черноволосый, Ярдан зеленоглазый шатен.

Увидев их на входе, я резко хватаю свое ведро и разворачиваюсь, однако цепкий взгляд Змея находит меня даже на другом конце зала.

Он поднимает руку и пальцем дает мне знак подойти. Я же не двигаюсь с места. Не могу, ноги словно вросли в пол. Как застыла вся, пошевелиться не способна. По спине лишь чувствую мороз, когда, не дождавшись моей реакции, Шах сам идет прямо на меня.

Шах настигает меня быстро, я не успеваю сделать ни шагу. От неожиданности словно вырастаю в этот пол, один только запах его парализует каждую мою клетку.

– Ты должна подходить, когда я тебя зову.

– Я вам ничего не должна! Я не ваша собака, чтобы приходить по первому зову!

Змей усмехается, после чего резко хватается меня за руку, заворачивает ее мне за спину, и наклоняет к бару, вдавливая в него животом. Больно, унижительно, сильно. Он склоняет меня перед собой, показывая мое место... Вокруг люди, орет музыка, но, кажется, никому нет до нас никакого дела. Шах здесь хозяин, он может делать со мной все, что захочет. Мне никто не поможет, никто.

Тело пробирает разряд оголенного тока от его прикосновения, кожа жжет огнем от ощущения его ладони на руке. Этот страшный мужчина высокий и такой сильный, а я... пытаюсь просто дышать.

Нужно абстрагироваться, подумать о чем-то ином, представить себя в безопасном месте, как обычно, но с ним я не могу... ничего не получается! Змей поймал меня, как птичку, и, похоже, скоро разорвет меня на куски.

– Отпустите! Я человек, я девушка! Так нельзя со мной!

Вздрагиваю, когда Шах наклоняется, убирает волосы от моего уха, все еще продолжая крепко удерживать за руку и стоять за моей спиной. Я слышу его бархатный низкий голос и чувствую, как столешница до боли врезается в живот:

– Ты для меня никто. Не баба, не сука собачья, даже не вещь. Ты просто пустая кукла, шлюха общего пользования! Сутки прошли, ты вспомнила имена?

– Нет, не вспомнила! Пустите, мне больно!

Шах меня отпускает, но уйти не дает. Когда я поворачиваюсь лицом к нему, бандит кладет обе руки по обе стороны от меня, прижимая к барной стойке, загоняя в силки. Он очень высокий против меня, большой, сильный. Чувствую себя мотыльком, которого скоро наденут на булавку, расплющат и поднесут к лампе.

Замираю, когда огромной рукой Шах берет меня за подбородок, поворачивая его на свету. Сканирует своими блестящими черными глазами, а после большим пальцем проводит по синяку, намеренно нажимая на него. До боли, до жжения в щеке.

– Как только эта красота сойдет, я выпущу тебя на сцену, где тебя сможет любой купить и поиметь. Любой упырь, усекла? Я даже заплачу ему, блядь, чтобы тебя ебали самые отпетые уроды!

Слезы застилают глаза, это все кажется каким-то жутким сном, от которого я никак не могу прийти в себя. Чудовище, предо мной стоит какое-то чудовище, а не человек, хотя, кажется, они все такие. Нет хороших мужчин, это все сказки глупые, в которые я давно не верю.

– Я не обижала вашу сестру. Я ничего не знаю. Правда, – шепчу ему, сдерживая слезы. Невольно волосы за ухо заправляю. Я так делаю всегда, когда вру. Не знаю почему, само так получается.

Приходится высоко задрать голову, чтобы видеть лицо бандита. Строгое, с угольной черной щетиной. Высокий, плечистый, крепкий. Он весь словно из стали вылит, но хуже всего его взгляд. Цепкий, прямой, змеиный, пугающий меня до дрожи.

Мне страшно, его ненависть ко мне настолько сильная, что рядом с этим мужчиной у меня дрожат колени. Шах стоит напротив, сканируя меня взглядом, а я невольно улавливаю его запах. Терпкий, мускусный, такой мужской.

– Не знаешь, значит, да?

Закусываю губу. Не могу я ничего ему рассказать. Будет хуже. Если имя назову, я умру. Не от чьей-то руки, я сама себя заживо закопаю, не встану уже, не смогу.

– Да, мне нечего вам сказать.

Змей затихает. Я вижу только, как сильно напрягаются его плечи от моих слов, каким жутким блеском загораются его большие глаза с практически черными зрачками и такими же черными ресницами.

Он зол, как бешеный волк. На меня зол, а я не знаю, как сложить свою правду в кучу. Не получается. Я не могу ему ничего рассказать. Я просто не имею права.

– Карину на ремни пустили, но знаешь, что самое интересное, лялька? – Шах наклоняется ко мне, заставляя еще сильнее вжаться в барную стойку. – Тебя ждет судьба похуже, Ка-тю-ша. Моя сестра умирала неделю, а ты, кукла, будешь сдыхать месяцами под моими клиентами, пока от тебя ни хрена не останется! Ни хрена! – рычит на меня, а я смотрю на его глаза, полные ненависти, и понимаю, что каждое его слово и обещание правдивое. Шах не врет, он сделает со мной все это... сделает меня общей шлюхой у бандитов. Господи...

Мне сложно определить, что я чувствую в этот момент. Безысходность, наверное, самое точное определение. Я попала в страшную ловушку, выхода из которой просто нет.

Когда этот зверь наклоняется ко мне еще ближе, касаясь носом моего уха, от страха я хватаю первое, что попадает под руку. Бутылка водки, которой я со всей дури ударяю его по голове.

Бутылка трещит и рассыпается острыми осколками стекла. Змей рычит, пошатывается, но не падает, как я ожидала. Господи, он что, бессмертный?!

В зале все стихают, я держу свое сердце в ладонях, видя, как ручейки крови начинают быстро стекать по лбу, черными бровям с изломом и подбородку бандита.

– Сука... – чеканит Шах просто гробовым тоном, тогда как я резко разворачиваюсь и бегу на выход, прекрасно понимая, что никто меня отсюда не выпустит. Живой.

Глава 5.1

Парни нашли ее быстро. Эта сука даже не пряталась, спокойно себе разгуливала, пока моя сестра уже гнила в земле. Три дня назад были похороны. Я закапывал Карину, бросая холодную землю на закрытый гроб, потому что ее тело было настолько изувечено, что всех стоящих рядом бы просто вывернуло наизнанку.

Перерезанная глотка, вспороты живот, грудь, бедра, следы изнасилования, жестокого, изрезанное лицо. Многократно, кое-где содрана кожа лоскутами.

На похоронах были только свои. Я же даже не дышал. Я думал, что сдурею там, на месте. Увидеть ее такой. Свою последнюю нить к семье, свое сокровище, которое оберегал от всех, как драгоценность. Карина пропала внезапно, все связи оборвались. Ее нашли случайные проезжие в траве на обочине у трассы. Она уже была мертва, ее тело превратили в чертов кусок мяса.

Мы начали копать, рыли землю, отсеивали даже воздух и вышли на нее. Почти сразу.

На эту тварь, которая переправляла девок за границу, собирала данные, находила жертв. Она наводчица, передавала контакты, вот только тот, кому она слила Карину, тоже уже гнил в земле. Мы не успели даже слова из него вытащить, так как нашли его уже с перерезанной глоткой в машине. В конверте оказались фото и контакты Карины.

За последний месяц в городе пропало пять девок, одной из которых стала моя сестра. Я хорошо знал Карину. Сестра бы лучше сдохла, чем стала продажной тварью, она так и поступила. Я уверен, что она сопротивлялась до последнего, за что ее просто порезали на куски.

Моя младшая сестра, которой едва исполнилось двадцать, теперь кормила червей под двумя метрами земли, тогда как сука, сдавшая ее, продолжала преспокойно себе жить и дальше... дальше находить жертв!

Екатерина Волошина. Деятнадцать лет. Ярдан и Соболев притащили ко мне эту тварь ночью. Вживую она оказалась совсем не такой, какой я ожидал ее увидеть, потому что она была похожа на какое-то неземное существо.

Фарфоровая идеальная кожа, огромные морские голубые глаза, курносый маленький нос с веснушками, розовые полные губы и особенно ее волосы: золотистые, длинные, непослушные, они создавали ощущение, что я смотрю, блядь, на живую ляльку.

Если бы не фото с камеры наблюдения, я бы в жизни не поверил, что эта кукла занимается переправкой девок, но тварь работала с этим, и, похоже, не в первый раз.

Я смотрел на нее и хотел задушить, впитаться руками в ее белоснежную шею, а после сделать то же, что она помогла сотворить с Кариной, но сначала мне были нужны имена. Эта белокурая сука сама бы точно не справилась, и мне нужно было найти заказчика. Того, кто посмел пойти против меня.

Я ожидал, что девка расколется быстро, по проступающему синяку было видно, что парни ей хорошо вьебали по лицу, однако по какой-то причине сучка молчала, играя в незнайку. Она говорила и заправляла волосы за ухо, открывая вид на кукольное лицо. И даже когда я начал ее топить в той чертовой бочке, держала язык за зубами.

Лялька содрогалась в конвульсиях, и я понимал, что, если еще с минуту подержу ее под водой, пытать уже будет некого. Я останусь без имен, а они мне нужны, и эта блондинистая сука – последняя нить, которая может привести меня к тварям, убившим Карину. Значит, сдыхать она будет медленно, пока не выложит мне все.

Вытащил куклу из бочки. Слабая, хилая, в ней почти не было сил сопротивляться. Девка крупно дрожала и всхлипывала, вода струилась по ее золотистым волосам и лицу. Мне же

захотелось выругаться, потому что теперь, вся мокрая, с вьющимися непослушными волосами и огромными глазами цвета чистого аквамарина, она была похожа на чертову русалку!

Я должен был ее прирезать, но мой взгляд упал на белоснежную шею, блестящие глаза, дрожащие розовые губы. Мне захотелось посмотреть ее всю, добраться до гнилого нутра.

Я достал нож, разрезал на ней тряпки. Распорол до белой кожи, чтобы тут же увидеть полные полушария ее груди и малиновые соски, сжавшиеся от холода, едва прикрытые бельем, острые ключицы, плоский нежный живот. А еще я уловил ее запах. Сука пахла сладкой ванилью. Как чертова, мать ее, конфета.

Лялька почти не дышала, она дрожала и смотрела в упор на меня, тогда как я сжимал рукоять ножа, едва сдерживаясь, чтобы не воткнуть его ей в сердце.

Ненавижу, сука, как же я ее ненавижу! Каждый ее гребаный взгляд, каждую пору на ее теле я не выношу.

Вспорол ножом ей ключицу, не удержался. Захотел ее боли, впитал в себя, как сладкий эфир. Лезвие пошло как по маслу, ее кожа оказалась тоньше шелка, как крылья чертового мотылька: молочная, полупрозрачная, нежная.

Лялька зашипела, задышала часто, но взгляд не отвела. Сука! Ее кровь оказалась дико соленой, терпкой, ядовитой... Действительно русалка, вот только без жабр, потому что под водой она практически сразу начинала задыхаться.

Я должен был ее убить прямо в этот момент, но понял, что рано. Слишком рано и легко. Для нее. Эта сука будет сдыхать медленно, так же медленно, как Карина! В морге сказали, что сестра умирала постепенно, с каждым днем получая новые порезы, которые начинали гнить. Ее убивали заживо, медленно, сука, резали по частям, будто играли, забавлялись с нею.

Мне же хотелось сделать то же самое с этой нежной лялькой, но, смотря на ее трясущееся тело, я захотел его себе, а точнее, под собой.

Она станет нашей куклой, и, когда мы вытрахаем эту шлюху во все дыры, я пушу ее на ремни.

Глава 5.2

Я еще никогда в жизни не чувствовала себя настолько загнанной. Точно лань, попавшая в клетку к диким волкам. Их здесь много, они все друг друга знают, и я... старающаяся просто выжить.

Меня ловят в два счета, я даже не успеваю добежать до входной двери.

– Далеко собралась, солнце?

Еще один из этих здоровенных мужиков с легкостью хватает меня за руку, сжимая ее до искр из глаз.

– Пустите!

Он игнорирует, наклоняется и вдыхает мой запах, как хищник. Я чувствую его теплые губы, которыми этот мужик касается моей шеи, и, клянусь, мне хочется застрелиться на месте. Я для них всего лишь кукла, просто игрушка. Общая.

– Сыч, води ее сюда.

Слышу чей-то голос, узнаю сразу. Ярдан. Он тоже здесь, как и тот второй, Соболь. Они все заодно, а значит, против меня.

Невольно оглядываюсь назад, сразу замечая Шаха. Влада уже подошла к нему с аптечкой, он отошел в сторону от гостей, а после и вовсе зашел в одну из закрытых кабинок зала, в которую вскоре затаскивают и меня. Как щенка беспризорного, меня бросают в эту комнатку, точно мусор.

Едва удерживаюсь на ногах. Я не ела сегодня ничего, жутко хочется пить, но до этого нет никому дела. Думаю, просить их о таком смысла даже нет. Шах хочет меня прикончить, а не кормить – я уже отчетливо это понимаю.

Невольно оглядываюсь по сторонам. Мягкие диваны, обитые велюром, столик, какой-то декор, алкоголь.

С опаской поглядываю на Шаха, сидящего по центру, как король, будто не я только что разбила бутылку о его лоб. На столе замечаю несколько пропитанных кровью бинтов. Рядом с ним Влада убирает остатки ваты, спирт, йод, но ни капли боли на лице Змея не отражается. Как каменный весь. Ему же должно быть больно, нет? Нет... Это мне больно смотреть на него. Я никогда не выносила чужую боль, и от вида крови меня всегда мутило.

Черные как смоль волосы Змея и висок справа пропитались кровью и теперь отливают темным багровым цветом. На его рубашке тоже запеклось несколько капель, как и на смуглой сильной шее. Сам же зверь сидит спокойно, однако он напоминает мне хищника, который готовится к прыжку.

Дверь этой ВИП-комнаты закрывается. Я сглатываю, когда понимаю, сколько мужчин сюда зашло. Шесть. Огромных, здоровых мужиков, смотрящих на меня как на бесправный кусок мяса.

– Влада, иди отсюда, – велит Шах, и я внутренне сжимаюсь. Зачем он сказал это... я же останусь одна, одна среди всех этих мужиков девушка.

Ловлю мимолетный взгляд Влады, но она быстро опускает голову и проходит мимо. Она мне не подруга, и ожидать от нее помощи или солидарности крайне глупо. Я здесь одна, в этом волчьем логове, совершенно без защиты.

– Что делать с ней, Рустам?

Ярдан подходит ко мне, я же пачусь от него, вжимаясь в стену, чувствуя себя загнанным зверьком.

Рустам. Этого бандита зовут Рустам, и он ненавидит меня. Неприкрыто, откровенно, смотрит на меня как на куклу. Его бесправную куклу.

– Раздеть.

Я сначала не улавливаю, а когда смысл его слов доходит до меня, становится жутко. Перед глазами на секунду все темнеет, и я не успеваю даже добежать до двери.

Они ловят меня, больно заламывая руки назад. Ярдан разрывает на мне рубашку, майку, лифчик, стягивает штаны. На мне остаются только трусы. Простые белые, которые эта сволочь тоже разрывает, превращая в тряпки.

От ужаса и ощущения чужих рук на теле у меня подкашиваются ноги, сбивается дыхание. Я так хочу закричать, но страх сковывает все тело, получается какое-то слабое мяуканье, всхлипы.

– Не надо... не надо!

Ярдан раздевает меня меньше чем за минуту полностью, догола, после чего отпускает. Я тут же опускаюсь на колени, плотно смыкаю ноги, грудь прикрываю ладонями и волосами. Я чувствую, что они смотрят на меня прямо сейчас. Все эти мужики разглядывают меня, как зверушку в цирке. Его страшном кровавом цирке.

Я не кричу, чувствую только, что дрожу и ладони резко немеют. Такого унижения и страха я еще в жизни не испытывала. Меня так сильно даже вчера не колотило. Так, чтоб до предела, до зубов, которые стучат вовсе не от холода, а от ужаса. Дикого, липкого, мерзкого, когда ты понимаешь, что у тебя нет прав, когда ты для них ничто. Он так сказал. Я никто для него, даже не сука.

Сглатываю, когда Шах поднимается и медленно подходит ко мне. Я сижу на коленях. Встать не могу, уйти не могу – я ничего не могу сейчас, кроме как опустить голову, попытаться прикрыться от их похотливых взглядов длинными густыми волосами. Они смотрят на меня, кто-то свистит, кто-то мерзко улюлюкает. Звери дикие – вот они кто.

Вздрагиваю, когда Шах наклоняется и огромной рукой берет меня за подбородок, высоко задирает мое лицо, заставляя посмотреть ему в черные бандитские глаза. Жестокие, дикие, ненавидящие меня.

– Ну что, поиграем, Катюш?

По его виску струится кровь, и я понимаю, что лишь сильнее разозлила зверя, я его взбесила. Теперь он жаждет расправы и, конечно, моей крови в ответ.

Не удерживаюсь, хватаю Шаха за ладонь, ломая гордость, стыд, страх. Ломая саму себя.

– Рустам, простите, ради бога, я... я не хотела.

– Не трогай меня!

Отрывает от себя мою руку, будто я грязная, слишком грязная для него. При этом я вижу, как Змей смотрит на меня, будто удав на кролика. На мою шею и голую грудь, которую я пытаюсь хоть как-то прикрыть.

Тело ударяет током, когда в следующий миг Шах подносит ко мне руку и прикасается к еще свежему порезу на ключице, провоцируя жгущую боль. После он опускается к маленькому крестик у меня на шее. Перехватывает его, рассматривая. Это простое украшение, но для меня ценнее нет ничего.

– В Бога веришь, русалка?

Молчу. Это не его дело. Одно движение, и Шах срывает с меня этот крестик вместе со шнурком, сжимает его в огромной руке, кладет себе в карман.

– Не забирайте! Это мое! – вскрикиваю, лучше бы он меня ударил, а не так унизил, не сделал так больно. Эта вещь очень дорога мне как память, и Шах отнял ее у меня, вырвал с мясом. Забрал себе.

– Это мое, пожалуйста... верните.

– Я говорил тебе быть хорошей девочкой. Ты не захотела, а теперь пойдешь по рукам, в привычное для тебя общество!

Вскидываю на него глаза. Боже... как же он ненавидит меня. Он меня презирает.

– Прощу, не надо. Это мое, моя вещь!

Подаюсь вперед, снова беру Рустама за руку. Еще попытка, еще шанс. Одно движение, секунда, прикосновение к коже, и зверь резко откидывает от себя мою руку.

– Не трогай меня! У тебя теперь нет ничего своего! Никогда меня не трогай, не смотри и не говори без разрешения! У тебя нет больше никаких прав, кукла, но есть выбор. Ты можешь сдохнуть прямо сейчас или рассказать правду! – чеканит, смотря на меня черными глазами, и я быстро затыкаюсь. Прикусываю щеку до боли. Боже, к кому я попала... Что они за волкиты такие?

Закрываю лицо руками. Я не хочу их видеть, не хочу их знать. Слышу только их голоса, они делят меня, как кусок мяса.

– Шах, отдай девку нам, пока она тебя окончательно не вывела.

– Нет. Я буду первым, дальше делите суку, как хотите. В мою комнату ее! – рычит Шах и проходит мимо меня, даже не повернув ко мне больше голову. Зверь. В нем нет жалости, ему все равно на меня, просто все равно!

От шока я не могу даже просить, Рустам выходит, а я встать не способна. Плакать не могу, ничего не могу.

В груди словно дыру пробили. Я еще никогда не была с мужчиной, а их тут шестеро. Они все волками смотрят на меня. Голодно, жадно, не стесняясь похотливых взглядов, от которых по телу разливается боль. Меня никто не пожалеет, я просто мясо для них, кукла для забавы, девка. Общая.

Слез нет, но меня жутко трясет. Боже... они же пустят меня по кругу. От меня ничего не останется. Эти звери меня порвут на куски, но сначала это сделает Шах.

Глава 6

Крошечные минуты счастья, мимолетные мгновения тепла, объятия мамы – все размывается кистью и скребется ржавым ножом моего настоящего.

– Вставай, детка.

Ярдан. Он подхватывает меня под руку, дает прикрыться своей курткой, в которую я заворачиваюсь до самого подбородка. На деревянных ногах иду за ним из этой комнатки, слыша насвистывание за спиной, от которого мороз идет по коже. Нет, они не смеются надо мной, они меня делят. Кто в какой последовательности будет меня иметь.

Ярдан ведет меня на второй этаж, в ту самую крошечную спальню. Я не пытаюсь его умолять о пощаде, прекрасно понимая, что ему плевать на мои просьбы, так же как и всем в этом логове.

– Жди, Шах придет скоро. Сильно только не уставай. Я следующий.

Подмигивает мне, закрывая дверь, а я ошалело ищу оружие. Хоть что-то, что угодно, чем можно себя защитить. Нож, пистолет, удавка... Для меня. Нет здесь ничего совершенно, да и силы наши неравные. Змей – огромный, здоровый мужик, и я с весом в сорок три килограмма, которую частенько путают с подростком.

Секунды ожидания натягивают нервы, а я места себе найти не могу. Что мне делать, что... рассказать правду? Нет, не могу. Нельзя. Права не имею. Молчать дальше – стать их куклой, общей игрушкой, забавой, вещью... равносильно смерти. Уж лучше сразу лечь в могилу и прикрыться землей.

На мне нет одежды. Ту куртку Ярдан забрал себе, поэтому теперь я голая, и у меня трепещет каждая клетка в теле. Ожидание хуже смерти. Не о таком первом разе с мужчиной я мечтала, совсем не о таком.

От страха зуб на зуб не попадает. Господи, дай мне сил.

Одним махом срываю с кровати покрывало, заворачиваюсь в него, но резко оборачиваюсь от скрипа открываемой двери. Дыхание сбивается, когда я вижу Шаха. Он сдержал слово. Пришел первым.

– Ты бы еще скафандр надела.

Надвигается на меня медленно, как хищник, и, недолго думая, я хватаю бутылку виски с полки. Разбиваю ее с силой об угол тумбочки, добиваясь острого края.

– Не подходите! Не подходите ко мне!

Шах усмехается своей белозубой улыбкой, но движение не останавливает. Совсем.

– Убери. Поранишься.

– А вам не все ли равно?

– Мне – да, но тогда ты будешь сдыхать не только медленно, но еще и мучительно.

– Почему?

– Потому что я так хочу.

Пячусь от него назад, но комнатка маленькая. Мне не уйти, не убежать от Змея. Замечаю, как стекло это битое в моей руке уже ходуном просто ходит. Я и правда скорее пораню себя, чем его.

– Почему вы такой жестокий? Вы ничего не знаете!

– Так Расскажи. Я послушаю, и, может быть, мне понравится то, что я услышу.

Бандит подходит ко мне вплотную, острый край битого стекла впивается ему в бок, но, кажется, он не боится пораниться. Боже, он совсем ничего не боится! Как хищник дикий, необузданный, наглый, дерзкий, самоуверенный ублюдок!

Я чувствую его запах, он слишком близко, и от страха даже пошевелиться не могу. Ощущение такое, что это не я сейчас держу острое стекло у его тела, а он приблизил лезвие к моей артерии у шеи.

– Чего застыла, кукла? Режь! Или кишка тонка?

– Не подходите!

Шах смотрит на меня глазами своими дикими сверху вниз, а я теряюсь. Осколок подрагивает в руке, но ладонь я не убираю. Это единственная моя защита, но вместо того, чтобы остановиться, Змей делает еще шаг ко мне прямо на стекло! Я вижу, как вскоре пропитывается кровью его белая рубашка, а он даже бровью не ведет. Совсем!

Боже, он и правда психопат... Шах ничего не боится: ни боли, ни крови, – в отличие от меня.

От вида его крови меня пошатывает, пальцы становятся деревянными, и стекло вываливается из ладони. Я боюсь ранить даже его.

– Показала свое “я”? А теперь я покажу, – чеканит Шах, после чего одним рывком стягивает с меня одеяло. Оно сразу же валится тряпкой к моим ногам, полностью оголяя меня перед бандитом.

Глава 7

Я думала, что стойкая, спокойная, но сейчас мое спокойствие трещит по швам. Шах не нежен со мной, не ласков, не терпелив. Он с легкостью толкает меня на кровать, навалившись сверху.

– Нет, пустите, не надо!

Резко поднимаюсь, но он придавливает меня коленом, цементируя на месте.

– Чш... Тихо, блядь! Что, противен тебе, да? Перед остальными не противно было ноги раздвигать?

– Нет, не смейте трогать меня! Я лучше умру, не-ет!

Он чертовски силен, мои слабые трепыхания ни к чему не приводят. Змей с легкостью собирает мои руки, заводит их над головой, придавливает собой, порабощая, как зверь.

Я же пугаюсь. Его напора, агрессии, жестокости, беспощадности. В какой-то момент начинаю кричать, задыхаться в руках этого бандита, чувствуя жар и вес его тела, но резкая пощечина миготом отрезвляет, и я, наконец, смотрю в его черные как смоль глаза. Потемневшие, диовинно красивые, наполненные лютой ненавистью. Ко мне.

– Пришла в себя? А теперь слушай меня внимательно, лялька. Я оставил тебя в живых, но не думай, что безвозмездно. Ты должна меня слушать, если и дальше хочешь жить! Во всем.

Рустам практически сидит на мне, зажал меня собой, вдавил в матрац, как цыпленка, отчего я даже дернуться не могу. Всхлипы только вырываются из груди. Я ведь еще не была с мужчиной, и это все... просто дико для меня.

– Пожалуйста... не делайте мне больно.

Мои слезы стекают к вискам, делая волосы мокрыми. Он меня не пожалеет. Шах не знает, что это такое.

– Буду драть, как пожелаю, и чтоб не пищала! – Его сильные руки по обе стороны от меня сомкнуты в кулаки. Змей меня просто по стенке размажет, я понимаю, что никто со мной не играет. – Запомни правила, кукла: не **касаться меня, не говорить без спросу, не рыдать!** Раньше надо было думать. Будешь отрабатывать, не то, клянусь, на тебе места живого не останется! – рычит на меня, и я откидываюсь на подушку, прикрываю глаза, коротко киваю. Если хочу выжить – я должна его слушать. Я должна поломать саму себя. Чувствую только, как слезы снова и снова катятся к волосам, но не дергаюсь больше. Это только сильнее раззадорит зверя, а выводить его я не хочу.

Нашупываю пальцами простыню. Впиваюсь в нее обеими руками до боли. Дышать тяжело, но реветь больше себе не позволяю. Буду сильной, я должна быть сильной, обязана!

Не двигаюсь, не прошу его не трогать меня. Нос лишь царапает запах Шаха. Терпкий, такой мужской, совершенно чужой, сильный. Он не противен мне, но я его не знаю, а еще я его до чертиков просто боюсь.

Я лежу под ним, как лягушка распятая. Голая, беззащитная, и чувствую только, как Змей проводит руками по моим волосам, шее, груди, маленькому, еще свежему порезу на ключице. Глаз не открываю. Не могу. Это сильнее меня.

Вскоре понимаю, что дышать мне стало легче. Шах поднялся с меня. Приоткрыв глаза, вижу, как он расстегивает рубашку. Я же даже не шевелюсь. Тело как одеревенело. Он сказал его не трогать, не говорить – и, кажется, это даже хорошо, потому как у меня нет слов, а тело совсем перестало меня слушаться.

С замиранием сердца слышу, как шелкает пряжка ремня. Бандит полностью раздевается, а я лишь пытаюсь держать свое сердце в руках. Не бойся, не бойся, не бойся! Терпи, ты же всегда так делаешь, подумай про что-то хорошее, как обычно, но нет. С ним это не работает. Когда Змей рядом, я могу только смотреть на него.

Мельком поглядываю на Шаха. У него мускулистая спина и широкие плечи, жилистые руки, упругие ягодицы, сильные ноги. На теле нет тату, кожа смуглая, матовая, видно, на левой стороне у ребра есть небольшой шрам.

Развернувшись, Шах подходит к кровати, и я замечаю его торс. Подтянут, ни капли жира нет, на груди волосы черные, весь поджарый, очень высокий.

Медленно опускаю глаза и тут же отворачиваюсь, видя его возбуждение, все его... мужское. Боже, Шах меня прикончит своим членом, мне особо не с чем сравнивать, но, кажется, он очень большой. Ровный, эрегированный, толстый.

– Не надо... Прошу, я девственница.

Подползаю к стене. Свою ноги вместе, прикрываю руками грудь. У него же должно быть сердце, и это та правда, которую я могу ему сказать.

– Хорошая попытка, но глупая. Ты думаешь, я поверю в эти сказки?

– Это правда...

– Молчать! Будешь открывать рот, когда я позволю! На колени, – рычит, кивает на пол, а я лишь головой мотаю.

– Нет. Не могу. Не стану.

– Или сама или я помогу!

Стискиваю зубы, осторожно спускаюсь с кровати. Лучше я сама, чем он коснется меня.

Становлюсь на колени, как раз напротив его эрекции. Толстый член покачивается напротив лица, как удав. Боже, дай мне сил.

– Открой рот.

Сижу и даже не шевелюсь. Я не могу. Я просто не способна пересилить себя. Без любви. Нельзя. Нельзя так.

– Не буду!

Вздрагиваю, когда чувствую жесткий захват волос. Шах больно отклоняет мою голову.

– Ты забыла про послушание?

– Пожалуйста, не надо. Не надо так со мной!

– Глаза открой, русалка, блядь!

Распахиваю глаза. Напротив покачивается большой член чудовища. Венка пульсирует на нем. Теоретически я знаю, как это делается, но еще не пробовала. Мужчину ласкать. Это же по любви всегда делается, не так ли? Нет, только не в моем случае.

– Быстрее! – рычит Шах, и я вижу, что он теряет терпение.

Тянусь к нему. Обхватываю рукой, которая от его размера даже не смыкается. На головке поблескивает капля смазки. Чувствую мужской мускусный запах и аромат мыла. Не противен, но очень новый для меня, необычный, терпкий.

Осторожно касаюсь губами головки. Целую. Провожу по ней кончиками пальцев. Целую снова, чувствуя, как дрожит каждая клетка в теле.

– Ты что, сосать не умеешь?!

Хватка на волосах становится сильнее, и, приоткрыв мне рот рукой, Рустам обхватывает член и заводит сам мне его в рот. Глубоко, слишком неожиданно глубоко, до самого горла, заставляя сразу же начать давиться, задыхаться от его плоти.

– Дыши, блядь!

Пробует снова, но я так сильно боюсь, что начинаю задыхаться, как только чувствую этот огромный орган у себя во рту. Как, как они делают это? Нереально же.

– Сучка. Иди сюда, – шах рычит и вынимает член из моего рта. Кажется, я все же взбесила зверя.

Глава 8

Огромными руками Шах подхватывает меня за талию и укладывает на кровать. Подтягивает к себе, как куклу, игрушку, собственность – или кто там я для него.

Не упираюсь больше, не плачу. Нет смысла никакого. Суставы, правда, едва сгибаются. От ужаса вся просто одеревенела. Замираю, когда бандит проводит огромными руками по моей груди, талии, бедрам, а затем нажимает на колени.

– Ноги раздвинь. Шире. Еще.

Стыд и унижение. Ненависть к этому зверю и невозможность прекратить пытку. Я не знаю, кого ненавижу больше в этот момент. Себя за слабость или его за жестокость. Боже, как он смотрит на меня. Жадно, голодно, хищно! Как на игрушку, куклу без чувств, с которой хочет просто спустить пар.

Машинально сжому ноги вместе, но Шах тут же перехватывает их, не давая этого сделать.

– Я не разрешал прикрываться! Или позвать кого-то поддержать тебя?

Он вовсе не пугает. Змей предупреждает, и я понимаю, что он и правда сейчас позовет кого-то сюда, если я не успокоюсь, если не поломаю сама себя.

– Нет... не надо, пожалуйста. Я буду слушаться. Буду, – шепчу ему тихо, стараясь расслабиться.

Рустам с силой сжимает мои колени, после чего убирает руки, видя, что после его прикосновения остались красные следы. У меня всегда была такая кожа. Только тронь, придави сильнее, чем надо, – сразу видно.

– Нежная, какая же ты нежная, сука! Откуда ты, блядь, такая взялась! Иди сюда.

Шах ложится на меня, коленом еще сильнее разводит мне ноги, подстраивает под себя, как куклу. Ненавидимую им, нелюбимую, презираемую. Я же задерживаю дыхание и зажмуриваюсь. Не видеть, не слышать, не чувствовать! Слышу только, как что-то шуршит, но глаза опустить не могу. Страшно.

Абстрагироваться, подумать о своем... не получается, потому как его сильный мужской запах бьет мне прямо в мозг, и страх от предстоящего секса с этим зверем провоцирует дикую дрожь в теле. В нем нет ни капли ласки, он меня на куски порвет, он точно сделает больно.

Наивная. Я всегда почему-то думала, что секс – это про ласку и нежность. Так, чтобы бабочки в животе трепыхались и было много поцелуев, но сейчас эти бабочки все сдохли, даже не успев родиться, потому что в мой первый раз все наоборот.

Это похоже на пытку, где я чувствую себя мотыльком, которого вот-вот расплющат тяжелым ботинком, размажут по стенке, прихлопнут, как моль.

Шах вклинивается между моих ног, и абсолютно сухой промежностью я чувствую его мощный твердый член. Горячий, чужой, опасный, такой большой! Бандит кладет руки по обе стороны от меня, придавливая собой, тогда как я даже не касаюсь его. Нельзя же – это одно из его правил. С силой только впиваюсь пальцами в простыню, сжимая ее до боли, но настоящая боль начинается как раз в этот момент.

– А-а-а-а! А-а-ай, нет!

Больно. Между ног просто дико больно, и я машинально отползаю назад, но крепкие руки Шаха цементируют на месте, с силой впившись в талию.

– Не надо! Не надо-о!

– Блядь... Не зажимайся, Катя!

Мое имя из его уст отрезвляет, заставляя подчиниться. Рустам входит в меня. Резко, на сухую, однако не полностью. Мое тело не дает ему продвинуться дальше, просто ни в какую.

Распахиваю глаза, видя его черный удивленный взгляд, все тело превращается в камень, пока я не чувствую руку Рустама на своем животе.

– Впусти меня, не то я тебя на хуй порву! Какого черта...

Распахиваю губы, жадно хватая воздух. Шах очень близко ко мне. Голой грудью я ощущаю его грудь, торс, руки. В какой-то момент Рустам выходит из меня, поднимает мои ноги, член смачивает слюной, а после снова толкается в меня, на этот раз сильнее, до упора, так глубоко.

– А-а-ай! Больно.

Чувствую, как стенки напрягаются, растягиваются до предела, и кажется, он проткнул меня членом насквозь, до кровотечения. Дышать не могу, шевелиться под ним тоже. Мне жутко страшно и больно.словно в меня засунули раскаленный меч, который скоро меня разорвет на части.

В какой-то момент не выдерживаю, хватаю Шаха за широкие плечи, прижимаюсь к нему всем телом, но после резко отстраняюсь. Его нельзя трогать. Нельзя.

Бандит рычит, но движение не останавливает, входит в меня полностью, а после замирает. Встречаемся взглядами, и я вижу в его черных глазах раздражение вперемешку с удивлением.

– Дыши. Привыкнешь скоро, – чеканит бандит, но времени на дышать и привыкнуть как раз таки не дает, начиная двигаться сразу. Довольно быстро, ритмично, невыносимо.

Я же стискиваю зубы, убираю от него руки. Не могу пошевелиться. У Шаха очень большой, и кажется, я скоро умру. Мне больно, между ног саднит, жжет, хотя постепенно боль проходит.

Не касаюсь его больше, нельзя же. Мне ничего нельзя. Он все отнял, забрал себе, даже это. Сжимаю простыню ладонями, терплю, стараюсь дышать. Через раз, но все же хватаю ртом воздух.

Шах опирается на локти и постепенно ускоряет толчки. Он так близко, он буквально во мне, на мне, отнимает всю мою жизнь, выпивает, ломает, давит, как мошку! Не любит, нет. В том, что он делает со мной, нет ни капли любви. Он меня ненавидит.

Через несколько минут Рустам ускоряет толчки, а после рычит и кончает, тяжело дыша. Вынимает из меня это орудие пыток, и только сейчас я замечая, что он был в презервативе, но мне от этого уже ни холодно ни жарко. Мне просто никак. Я уже будто умерла.

Вижу, как Шах поднимается. Я же встать не могу. Ощущение такое, что он меня переехал просто, убил, уничтожил, порвал.

Смотрю на свой живот. Дрожит до сих пор. На простыне кровь, как и между моих бедер. На животе его кровь. Везде эта кровь... везде.

Меня начинает мутить от вида крови. Прикладываю руку ко рту, и это не остается незамеченным.

– Других продавала, а сама хотела чистенькой остаться? – усмехается зло, а я молчу. Нечего говорить. Пусть верит, во что хочет!

Шах уходит в душ, а я на бок переворачиваюсь. Мне как-то плохо. Немного болит живот, между ног саднит, хоть уже и не сильно, но я боюсь вида крови и всегда боялась. От нее мне дурно становится, все плывет перед глазами.

Когда Шах выходит из ванной, отползаю от этого чудовища подальше на кровати, но он с легкостью ловит меня за запястье, обжигая прикосновением до кости.

– Стой! Иди душ прими.

Киваю. Не смотрю на него. Не могу просто. Осторожно спускаюсь с кровати. Кружится голова, все как в тумане, хоть я и не плачу. Как застыла вся, но ощущение такое, что Шах меня разорвал и изнутри теперь я истекаю кровью. Я не доживу до утра... уже все, все неважно.

Медленно доползаю до душа, опираясь рукой о стену. И, только закрыв дверь, прикладываю руку ко рту, издавая истошный немой крик.

Я его кукла теперь, их кукла!

Я общая. Девушка общего пользования, и теперь после этого чудовища Шаха за мной придут те. Остальные. Они тоже будут меня брать, как и этот зверь сейчас, они уже делили меня там... Кто второй, кто третий, четвертый. Я слышала.

Глава 9

Залезаю в душ. Включаю воду, направляю на лицо, шею, грудь, живот, бедра. Горячие струи бьют по коже снова и снова, но не смывают ЕГО следов. Горячих рук бандита, сильных, жестоких, ненавидящих меня. Они на моем теле уже отклеились и не смываются ничем!

На полке замечаю мыло, беру его, растираю, смываю кровь с бедер и промежности. Розовая вода стекает по ногам, но я не плачу. Не могу просто.словно какой-то зажим в груди стоит. Шах сказал не реветь, не касаться его, не говорить первой, и я понимаю, что, если сейчас заплачусь, он услышит. Он все еще находится за дверью и снова... снова сделает это со мной. Ощущаю эту нелюбовь, эту ненависть, он снова поиграет со своей игрушкой.

Моюсь до тех пор, пока кожа не становится розовой, однако боль не проходит, наоборот, она становится ярче. Он не целовал, не ласкал меня. Шах просто брал меня, как свою куклу, которой я для него и являюсь. Даже не человеком, без чувств и эмоций, просто пустой куклой. Он меня использовал. А теперь и остальные сделают то же самое со мной.

Выключив воду, я беру большое полотенце и промакиваю тело, немного волосы, которые, будучи влажными, сразу начинают виться.

Слышу хлопок двери, мерзкая судорога проходит по позвоночнику. Шах вышел, а значит, теперь придут те, другие звери, которые делили меня в той вип-комнате... Боже.

Поднимаю взгляд на зеркало и с трудом себя узнаю. Красные глаза, искусанные губы, и хоть слез нет, я бледная вся, дрожащая, а теперь... общая. Общая!

Я не знаю, что происходит со мной в этот момент. Что-то ломается. Я, наверное, ломаюсь, я чувствую это. Шах оказался намного сильнее меня, он отнял у меня веру. То последнее, что у меня оставалось. Шах победил, ну и пусть. Пусть!

Меня всю дико колотит, и единственное, чего я сейчас хочу, – чтобы все прекратилось. Чтобы перестало гореть, ведь я не смогу стать их общей игрушкой. Я так просто не могу.

Мое смазливое лицо, длинные светлые волосы, фигура. На меня всегда обращают внимание, смотрят на тело, но никому дела нет до того, что внутри. Мое сердце. Мне нужно, чтобы оно перестало... перестало стучать. Чтобы они не смотрели на меня, чтобы не касались, не рвали, не убивали меня окончательно!

Секунды бьют по нервам. Они уже идут, я знаю, знаю.

Лихорадочно оглядываюсь по сторонам и, не найдя ничего подходящего, просто ударяю по зеркалу стоящей в ванной табуреткой. Снова, снова и снова, пока на нем не появляется паутина сколов и кривые трещины, а после зеркало начинает осыпаться мелкими осколками на пол.

Я даже не знаю, откуда во мне столько силы берется, однако в считанные секунды я превращаю это чертово зеркало в горсть осколков и, не раздумывая, хватаю самые большие голыми руками. Я люблю жизнь, вот только та роль, которую начертил мне Шах, – это не жизнь вовсе, а жалкое существование, и я не смогу... не смогу просто.

Хлопает дверь, и я замираю, когда слышу топот ног. Они пришли, они уже... здесь!

Сжимая стекло в дрожащей руке, я зажмуриваюсь и провожу им по нежной коже запястья несколько раз, до скрипа сжав зубы.

Я знаю, что это большой грех, но, пожалуйста, пусть все закончится! Пусть перестанет болеть. Мне никто уже не поможет, мертвые не встают из могил, у меня нет связей, у меня нет... ничего.

– Прости меня. Уже слишком поздно, я не смогла.

Не стану игрушкой, не смогу, не буду общей куклой! Для них и особенно для него, ненавидящего меня.

Надо было прикончить ее сразу, и нет, я не пожалел русалку. Я захотел эту золотоволосую девку себе, а точнее, под собой. Эту лживую суку, продажную тварь, которая убила мою сестру. Не своими руками, но она ее продала, продала, блядь, Карину, и даже бровью не повела, прекрасно зная, что с нею станет за это!

Я даже удивляюсь, когда вижу на белоснежной груди ляльки небольшой крест. Еще и верит во что-то, с ума сойти можно! Сколько же у нее лиц, имен, сколько ее уже переобало в этом черном бизнесе?

На вид вообще не скажешь, на лицо же ангел, блядь, во плоти, и только те фото не дают и капли сомнений. Она часть механизма, она продает людей в один конец, наживаясь на чужом горе!

Сучка дрожит, но оказывается с характером, и вот я уже сижу с разбитой к чертям головой. На вид слабая, но ударила сильно, чем просто вывела из себя. Я хочу ее наказать, показать ее место, и, конечно, у меня все получается.

Как она трясется, когда Ярдан ее раздевает, глазища ее становятся еще больше. И не совсем они голубые, они какие-то аквамариновые, морские, всполошенные. Длинные золотистые волосы куклы рассыпаются по нежному молочному телу аж до поясницы, однако я прекрасно вижу ее худенькое тело, тонкую талию, аккуратную полную грудь с розовыми вершинами, и возбуждение мгновенно простреливает ниже пояса.

Я хочу ее. Не должен, но хочу так, что аж ведет всего, я хочу ее под собой всю, полностью. Чтобы пищала подо мной, разложить ее и вбиваться до умопомрачения в эту грязную суку. В ту, которую наверняка уже переобала хренова туча мужиков, но мне похер. Я ее хочу под собой. Точка. Буду предохраняться, я ее тупо брезгую трахать без резинки.

Ярдан притягивает куклу ко мне. Сам ждет, как и остальные. Я поделюсь, не поскуплюсь, тем более ей точно не впервой, однако сразу что-то идет не так. Девчонка. Она включает целку, на полном, мать его, серьезе строит из себя недотрогу не пойми на кой хрен.

Поставил девку на колени. Дрожит. Сосать не умеет ни хрена, вообще! Уложил на кровать – закрыла глаза, не двигается, не дышит даже. Сучка. Бесит.

Кукла включила целку, вот только даже одного взгляда на ее тело хватает, чтобы у меня встал. На нее. На эту лживую сучку, которая посмела забрать мое.

Ее фигура идеальная. Бархатная молочная кожа настолько нежная, просвечивают синие венки. Округлая задница, полная, но не очень большая грудь со светло-малиновыми сосками. Тонкая шея, кукольное лицо, огромные морские глаза с густыми светлыми ресницами, непослушные золотистые волосы. Русалка, мать ее, вот только я знаю, какая тварь сидит за этой оберткой, и это просто кипятит мне кровь!

Развожу шире ее худые точеные ноги, девка судорожно вздыхает. Смотрю на промежность. Розовая нежная плоть, такая аккуратная, вообще не скажешь, что шлюха. Элитная, хрен поймешь, либо себя не давала сильно, берегла. Как раз для меня.

Провожу костяшкой руки по складкам. Сухая, гладкая, разве что не скрипит. Лялька глаза закрыла, бедра начала сводить вместе, но хрен там. Жить захочет – будет подо мной, а после подо всеми.

Не разогреваю ее, конечно, не целую, брезгую я после всех касаться ее губ. Обойдется. Шлюх никто не целует, их просто берут, и я буду. Драть буду до искр из глаз! Смотрю на эту куклу, и перед глазами порезанная Карина. Руки сжимаются в кулаки. Боже, как же я ненавижу эту тварь!

Венка на ее шее очень быстро пульсировала, и в какой-то момент мне захотелось просто сжать руки и придушить ее. Ей бы хватило пары минут – и все, но нет. Меня затрясло только от одной мысли об этом. Я хотел ее тела, я имел на это полное право после того, что она сделала!

Припугнул ее, русалка затихла, перестала так отчаянно трепыхаться подо мной. Видел только, что ревет, глаза закрыла и молча ревет. Играет. Актриса хренова. Реветь надо было раньше!

Надел презерватив, развел ноги куклы шире и вошел, ожидая сразу погрузиться в нее, но хрен там. Тугая до предела, я сразу же уперся в преграду. Сначала подумал, что так сжалась, но нет. Ни черта. Она и правда была целкой, невинной, самой настоящей девственницей.

Русалка начала хныкать, пищать, но, лишь поймав мой взгляд, заткнулась. Я же охрене-вал еще сильнее. Других продает, а сама чистая... да вот только после меня уже нет. Я хотел сделать ее грязной, я хотел ее боли, агонии, в которой сам уже варился последнюю неделю.

Я не прогадал. Она не только выглядела как чертова конфета, она и правда оказалась такой. Сладкая ваниль, не приторная, нежная, кремовая. Ее хотелось жрать, облизывать, целовать, но я так и не коснулся ее губ. Не смог, хотя они манили, распахивались, дрожали, приглашали к себе.

Она очень нежная. Такая нежная, что аж смотреть тошно. Точно кукла Катя, мать ее, красивая, слабая и, конечно, теперь моя. Наша. Общая.

Перехватываю куклу, подстраиваю под себя, русалка сжимается, но все же тараню ее членом до упора. Вижу в голубых омутах слезы, отворачивается, стискивает зубы, а я дурею.

В ней так узко, горячо, сладко! Лоно совсем не растрханное, такое нежное, трепетное, сочное, и я ненавижу себя за то, что мне нравится. Мне до одури нравится быть в ней, брать ее, толкаться в нее, чувствуя самый настоящий кайф.

Сама же девка дрожит, уже не такая бойкая, как в зале. Дышит через раз, наряжена просто до треска. По телу аж ток пробивает, когда с каждым моим толчком я касаюсь вершин ее голой груди. Кожа к коже. Запредельно сладко. В какой-то момент она прижимается ко мне, впивается с силой пальцами в плечи, но быстро отпускает, поджимает губы. Мне же не нравится. Не хочу, чтоб касалась, у нее нет на это никакого права.

Кончаю быстро. Слишком узкая, сухая до боли, слишком охренительная тварь.

Как только выхожу, вижу кровь. До хрена что-то крови. Мой член в ней, ее бедра, пятно целое на простыне. Сама же русалка молчит теперь, в нирвану будто ушла, но, как ни странно, больше не ревет.

Ненавижу целок, с ними одни проблемы. Знал бы – пристрелил бы сразу.

А как с ней иначе? Парни предлагают прямо там ее разложить, на всех поделить, вот только делиться я не люблю, по крайней мере, при мне. Сам попробую сначала, а дальше пусть делят куклу как вздумается, хотя уверен, после них ее уже не склеят. До дыр затрахают, на куски порвут. Звери. Она слабая, хоть и бледная на вид, нежная, сука. Такая нежная!

Бросаю взгляд на куклу. Притихла. Ее глаза становятся больше, когда видит кровь. Сереет аж вся, бледнеет, губы дрожат. Искупавшись сам, отправляю ее в душ. Девка едва поднимается, будто не трахал я ее, а, блядь, тут убивал. Сучка.

Выхожу покурить. Кукла плескается в душе. Вдыхаю ночной воздух. Я недоволен. Член ноет. Слишком быстро, не наелся я ни хрена. Еще хочу. Ее хочу как ненормальный! Будто воды чистой глотнул, а мне все мало, мало, мало! Ее тела мне дико мало, глаз, запаха – всего, мать ее, мне мало!

Возвращаюсь в комнату. Сам не знаю почему, хочу просто убедиться, что кукла уже в кровати. На удивление, русалка все еще плещется, однако шума воды нет. Тихо там, как, блядь, в могиле.

Прошло десять минут, сколько можно от меня отмываться, раскисла там или что?

Странная девка. То бойкая, то тихая – хрен ее поймешь.

– Ты утопилась там? Выходи.

Нет ответа, и я быстро теряю терпение. Нажимаю на ручку ванной, но дверь не поддается. Усмехаюсь. Забарикадировалась, сучка.

– Открой. Лучше сделай это сама.

Тишина.

– Кукла, ты меня слышишь?

Молчит, а я недооценил эту тихоню. При этом за дверью ванной улавливаю какие-то звуки, треск стекла.

– Черт... отошла от двери!

Прикладываюсь плечом, сметая дверь с защелки, и просто охреневаю, когда вижу ее. Девчонка. Сидит на полу в луже крови и среди осколков стекла. Кровь эта везде уже, блять. На белом кафеле плитки лужа натекла, и русалка посреди нее – голая, с мокрыми выющимися волосами. Белая вся, дрожащая. Ее левая рука вся в крови. Исполосована стеклом на запястье.

Глава 10

– Блядь, что ты творишь!

Подхожу к ней, кукла как-то слабо реагирует. Белая вся, губы синеть начинают, взгляд на хрен поплывший, потухший просто.

Правой рукой она с силой сжимает кривой кусок стекла из разбитого зеркала, которое валяется везде, и под моими ногами в том числе.

– Не стану... не стану общей.

– Дура!

Быстро хватаю ее за порезанное запястье и с силой сжимаю, слыша тихий стон. Поднимаю на руки и выношу из ванной, чертыхаясь как только можно.

Легкая, как перо, русалка не сопротивляется и, когда укладываю ее на кровать, словно марионетка заваливается на нее. Кровь тут же пропитывает простыню, и я понимаю, что, если не остановить ее, лялька попросту копыта отбросит, и я останусь без нужной информации. Сука!

Беру ее за руку, осматриваю. Несколько кривых порезов, есть глубокие. Девка при этом вяло смотрит на меня, тяжело дышит, а после глаза прикрывает, и я, блядь, вижу, что она теряет сознание прямо сейчас.

– Нет, не отключайся! Слышишь меня? Твою мать! – рычу, хлопаю ее по щеке, кукла распахивает глаза, свои аквамарины поднимает на меня.

– Не трогайте... – Мяукает, как котенок, у которого совсем нет сил. Проклятье. Нормально я, блядь, потрахался.

Перехватываю ее за подбородок, заставляя посмотреть на себя, ловлю перепуганные глаза.

– Приди в себя, успокойся!

Сжимаю зубы, беру край простыни и открываю несколько полос. Хватаю ее руку и накладываю тугую повязку. Затягиваю, прижимаю, слыша стон русалки:

– Не надо...

– Не дергайся, блядь! – рычу, злость просто переполняет. Что они с Кариной сделали... а я еще с этой тварью возиться должен! Должен, мать ее, не то сдохнет, и я потеряю последний шанс найти убийц родной крови и отомстить за нее сполна.

Смотрю на куклу. Она в сознании, но дико бледная, прижала к груди перебинтованную руку.

– Оставьте меня. Я сама... я и так умру.

– Ты сдохнешь тогда, когда я скажу!

Усмехается как-то странно.

– У меня больше нечего брать. Нечего.

Кулаки сами собой сжимаются, хоть они сейчас и все в крови. Ее крови.

– Не думай, что, поцарапавшись, избежала расправы!

Расстегиваю ремень. Достая его и крепко сжимаю в руке. Трахнул девственницу на свою голову.

Я всегда была осмотрительна, собранна и думала наперед, но только не в эту ночь. Не знаю, что со мной происходит, я будто срываюсь, падаю с обрыва туда, где меня никто не ловит, хотя нет. Ловит все же. Монстр с черными глазами, огромный ядовитый Змей с острыми клыками.

Шах. Он буквально выбивает дверь, ломая защелку, а я встать не могу. Прикрыться, закрыться от него не способна.

Не очень помню, как вспариваю кожу на запястье. Все как в тумане, я никак не могу успокоиться, а потом эта кровь... Боже, ее так много, она начинает хлестать из моей руки, и от одного только ее вида мне становится дурно.

Все плывет перед глазами, во рту пересыхает, и я только и могу, что смотреть на эту кровь. Ярко-алую, пульсирующую из раны. Мою вытекающую жизнь.

В какой-то момент я слышу голос чудовища, он рычит на меня, а мне настолько плохо, что я не могу убежать от него или хоть как-то защититься.

Вздрагиваю, когда Шах с силой за руку меня хватает. Мне кажется, он ударит, но он крепко зажимает мое запястье. Из другой руки больно выбивает стекло. Мои пальцы онемели и с трудом разжались. Его прикосновение обожгло, как пламя.

Это страшный сон, который стал реальностью. Змей отрывает меня от кафеля, подхватывает на руки, уносит обратно в комнату из ванной. Я снова оказываюсь на кровати, и понимание того, что я не успела умереть и сейчас остальные звери придут со мной расправиться, просто рвет на куски.

Картинка становится расплывчатой, кажется, я отключаюсь, но Шах не дает и шанса это сделать, начиная меня тормошить. Его руки очень сильные. Он сдавливает мое запястье, после чего трещит простыня, и вскоре я вижу, как руку туго обматывают тканью.

– На меня смотри, не отключайся, мать твою!

Ловлю его черный взгляд на себе. Осуждающий, ненавидящий все мое существо. Широкие плечи, жилистые руки, суровое лицо Шаха источает уверенность, силу, презрение. Ко мне.

Страх липкими щупальцами пробирается к горлу. Ночь ведь не завершилась. Змей был первым, а теперь... наступит очередь остальных.

– Что вы сделаете со мной? – шепчу тихо, смотря в лицо монстру. Хотя даже не понятно, кто из нас монстр, судя по тому, какого мнения обо мне этот мужчина.

– Что должен, – чеканит Шах и расстегивает ремень, крепко сжимает его в руке, заставляя меня пожалеть о том, что я все же выжила.

– Добейте меня! Пожалуйста, прошу...

Встречаемся взглядами, не выдерживаю того, как он смотрит на меня. Опускаю глаза первой.

– Так просто не сдохнешь! Иди сюда.

– Нет... нет!

Отползаю от него на кровати, но Шах с легкостью ловит меня за лодыжку и тащит к себе. И-за двери доносится какой-то шум. Кажется, они уже пришли, чтобы дальше... делить меня на части.

– Нет! Нет, не надо, не надо...

– Тихо, кукла. Тихо, я сказал! Сюда иди.

Бандит берет меня за талию и с легкостью отрывает от кровати. Я могла бы драться, брыкаться и орать, если бы у меня были силы, но вместо этого получается какое-то вялое трепыхание. Шах несет к батарее у стены, усаживает на пол и сам садится на корточки.

– Добейте меня, прошу! Не отдавайте меня никому, не надо так...

– Еще одно слово, и твое желание исполнится. Руку! – рычит, после чего берет ремень, обхватывает мою здоровую руку и, сделав нечто вроде петли, привязывает меня ремнем к батарее.

Я же даже не шевелюсь, тело пробирает адская липкая дрожь. Я боюсь ремня. Так сильно, что от одного лишь его вида мне становится дурно.

Смотрю на зверя с опаской. Огромные сильные руки Шаха сейчас все в моей крови, губы плотно сжаты, зоркий взгляд режет без ножа. Он как каменный вес, ему плевать на меня, им всем плевать.

Перед глазами все плывет, я просто стараюсь дышать. Что он делает, зачем привязывает меня... чтобы я не могла вырваться, когда те, другие, придут? Боже.

Дергаюсь, когда, привязав меня к батарее, Рустам с легкостью обхватывает мое лицо, заставляя посмотреть прямо на него.

– Ты не могла это все сама делать. Кто тебя крышует, кто платит? Говори, блядь, или сдохнешь тут, тварь!

– Не знаю... я ничего не знаю.

Мотаю головой, заправляя волосы за ухо. Дурацкая привычка так делать, когда вру. Нельзя говорить. Не могу я сказать! Малейшее упоминание, и я сорвусь с обрыва. Мне будет больнее, чем сейчас, намного больнее.

– Сиди тогда, ляля. Жди гостей, – спокойно отвечает Шах и, посмотрев на меня еще секунду, поднимается, выходит из комнаты. И только когда дверь закрывается, я опускаю голову на колени, крепко обхватывая себя руками.

Кровь больше не течет, Рустам крепко перевязал мое запястье. Я так надеялась, что найду выход в смерти, но он даже этого мне не позволил.

Выхожу за дверь, слыша ее тихий жалобный вой. Ревет, трясется, как заяц. Не ожидал, что вены порежет, на вид кукла казалась более стойкой. Пока к батарее привязывал, думал, она копыта, сука, откинет.

Когда русалка ремень в моей руке увидела, сжалась вся, притихла, и мне это не понравилось. Так на ремень реагируют только те, которых лупят, которые прекрасно знают, как дико больно он врезается в кожу, вспарывая ее до мяса, но я не хотел ее бить. Я хотел, чтобы кукла дожидая до утра и не закончила начатое со стеклом. А еще... я просто не хотел, чтобы она портила себя. Ее кожа была как сливочное масло, тонкий пергамент, к которому безумно хотелось прикоснуться губами, но я брезговал целовать эту тварь, пусть она и оказалась чистой.

Девка была на вид спокойной, но я видел, что в ее тихом омуте не то что черти – там, блядь, херувимы водятся дикие, и от нее всего можно ожидать, а получить труп без информации меня не устраивало.

Я должен найти, кто Карину порезал, кто ее сдал, кто, сука, на семью мою руку поднял, и отомстить так, чтоб всем неповадно было. Снова.

Десять лет один. Десять, сука, лет! Как зверь, волчара бешеный. Жену я уже похоронил, не уберег, и вот снова. Самому уже сдохнуть охота, но не сейчас! Без мести не успокоюсь, и девка эта точно правду знает, но по какой-то причине молчит.

Я был уверен, что русалка скажет хоть что-то там, на полу. Она смотрела на меня испуганно, и это еще слабо сказано. Вся в крови, дрожащая, бледная. Лялька могла назвать хотя бы одно имя, и я бы ее отвязал, но она решила по-своему, а значит, отвязывать ее никто не станет.

А еще я заметил, что, когда она мне отвечала, редко смотрела мне в глаза и часто волосы за ухо заправляла. Сопоставив наши встречи, я понял, что она мне врет. Постоянно! И когда кукла лжет, заправляет волосы за ухо. Я ее изучал, она пряталась от меня, однако ее тело и жесты с потрохами просто выдавали ее ложь.

Когда в коридор выхожу, слышу, что ревет. Отчаянно, навзрыд, тогда как при мне молчала, и что-то мне кажется, что мы видим только верхушку, тогда как под этим ледником скрывается целый айсберг ее черной правды.

– Ты че, грохнул ее?

– Нет. Живая. Пока.

Ярдан встречается в коридоре. Смотрю на свои руки. Все в ее крови, как и рубашка. Похож на мясника.

– Пацанам говорить? Там ее уже на части разложили. Понравилась, но я второй! Я забил уже.

Почему-то от этого сжимаются кулаки. Я не хочу ее делить. Ни с кем. Самому мало!

– Нет. Не сегодня.

– Это почему?

– Потому что я сам еще не наелся!

Обхожу Ярдана, понимая, что парни не поймут меня, но, честно говоря, мне похер. Никто к кукле сегодня не зайдет, я закрыл ее на ключ, который только у меня.

Глава 11

Когда Шах уходит, я не могу сомкнуть глаза. Прислушиваюсь к каждому шороху, так боясь услышать звук ботинок. Когда они придут, сколько их будет, что они сделают со мной... порвут на части – вот что. Господи.

Вспоминаю про свою сумку с телефоном, спрятанную под кроватью, но этот монстр привязал меня к батарее, и, как я ни стараюсь стащить ремень, ничего не получается.

– Ну давай... давай же!

Дергаю рукой, но нет, ремень слишком затянут, мне не выбраться. На второй руке повязка немного пропитывается кровью, но пятно не становится больше. Шах крепко перевязал мне запястье, так что от потери крови я точно не умру.

Пол холодный, я совсем голая, поэтому, чтобы окончательно не простыть, поворачиваюсь и сажусь на согнутые ноги. Не притрагиваюсь к стене спиной, она тоже ледяная.

Обхватив себя руками, проваливаюсь в дремоту, сидя прямо так, на полу. Мне ничего не снится. Мне давно уже ничего не снится.

Просыпаюсь от каких-то голосов за дверью. За окном светло, настало утро, и я все еще живая. Никто не пришел ко мне, никакой мужчина больше меня не коснулся, хотя я была уверена, что они придут, Змей же говорил ждать... ждать их. Тогда почему они не пришли? Не знаю.

Вздрагиваю, когда отворяется дверь.

Влада заходит с какой-то коробкой в руках.

– О боже, девочка!

Она останавливается рядом, смотря на меня. Я же вжимаюсь в стену, стараясь прикрыться руками.

– Сказала бы правду! Шах убьет тебя, совсем глупая, что ли?! Иди сюда.

Влада развязывает ремень, и наконец я прижимаю онемевшую руку к себе. На запястье остался синеватый след от грубой кожи.

– Пусть... Пусть убьет, – шепчу. Губы потрескались. Я не пила ничего почти сутки.

– Ой, дура ты! Держи.

Дает мне одеяло, в которое я заворачивать до ушей. Тело бьет озноб. Я дико просто замерзла ночью.

– Так, давай посмотрю тебя. Что с рукой?

– Ничего. Не трогайте!

– Ты мне тут не возражай, не то скажу, что упиралась, так Шах быстро пацанов позовет, чтоб усмирили, поняла?

– Да. Не надо... не зовите. Я просто порезалась.

Осторожно протягиваю ей руку, показывая запястье, обильно перемотанное кусками простыни.

Эта женщина лишь головой качает, поджимая губы, а после помогает мне подняться.

– Хватайся за меня.

Доводит до кровати, я сажусь на самый край.

Влада разматывает мои повязки, и мы обе видим жуткие порезы на запястье. Красные вздувшиеся раны. Одна глубокая, три поменьше. Я даже не помню, как наносила их, была словно в каком-то диком тумане, из которого меня выдернул Шах.

– Так, эти царапины обработаю, но вот это, – показывает на самый большой кривой порез, – плохая рана, глубокая. Не заживет она сама! Врача бы сюда.

– Заживет. Время надо. На мне все заживает. Долго просто.

Я знаю, о чем говорю. Малейший синяк сходит с меня дней семь, не меньше. Проверено уже.

– И как же ты так порезалась, интересно? Несколько раз, да еще и по запястью, а?

Осуждает, а я молчу. Нечего ответить. Мне стыдно, я знаю, что это большой грех.

– Не хочешь – не говори, но не думай, что это как-то тебя спасет, Кать. Тот, к кому ты попала, не станет тебя жалеть за это. Ты только разозлила его еще сильнее, глупая.

– Скажите... Шах – кто он такой?

– Очень влиятельный человек, девочка. Тот, кому дорогу не переходят, если, конечно, головой своей дорожат. Тебе ли не знать, что с сестрой его такое сотворила? За что ты ее так, а? Неужто за деньги на все пойдешь, даже на такое? Сама же еще девочка совсем, тебе не жалко было других девушек продавать?

Прикусываю губу. Кажется, Влада хочет меня разговорить, вот только я не могу ей ничего сказать. Ничего из того, что она спрашивает.

– Я не могу сказать. Я... ничего не знаю.

– Ну и молчи дальше, раз такая дура! Шах тебя за сестру по стенке размажет. Он, как жену похоронил, обозленный на весь мир стал, а ты с Кариной только добавила ему агонии. Смотри, что за одну ночь с тобой стало, а дальше-то что будет? Бледная вся, замученная, тенью станешь, а потом сдохнешь где-то в углу. Выкинет тебя, как куклу использованную, да и все тут.

– Пусть выкидывает. Он уже и так... попользовал меня.

Влада лишь головой качает.

– Твое дело. Каринку мне просто жаль. Такая красавица была, как принцесса восточная, а теперь смотри, что с ней сделали! Я как увидела те фото, аж волосы дыбом встали. А ты покрываешь ее убийцу, да еще и сама во всем этом замешана! Ух, прибила бы, будь моя воля! Вставай. Одежду сейчас принесу. Работать пойдешь. Указаний на то, чтоб ты тут отлеживалась, не было.

Влада только показывала мне заботу. На самом деле она была с Шахом заодно, с ними всеми. Они все считают меня виноватой, тогда как еще немного – и я сама уже поверю в это. Я виновата, да вот только не в том, в чем меня обвиняют, но и оспорить это не могу. Попыталась уже раз показать характер, стало только хуже. Намного хуже.

С горем пополам принимаю душ, Влада помогает мне забинтовать руку и сразу забирает меня в зал. От слабости немного ведет, но я стараюсь идти спокойно и не привлекать к себе внимания. У меня нет расчески, волосы быстро спутываются, поэтому еще влажными я собираю их и заплетаю в толстую косу.

Утром в клубе очень тихо, почти нет посетителей, и это хорошо. Влада дает мне тряпку и ведро с водой, отправляет мыть полы. Я не упираюсь. Лучше так, чем если бы они выпустили меня на сцену и заставили танцевать. Пусть меня никто не видит, пусть они вообще забудут обо мне, хотя я в этом сильно сомневаюсь.

От голода сводит желудок, но еды мне никто не предлагает, поэтому, выискав минуту, я захожу в уборную и жадно пью воду из-под крана. Становится чуть лучше, но ненадолго.

– Оп-па, приветы, красавица!

Расплескиваю воду из ведра, когда ближе к обеду в коридоре мне преграждает путь Ярдан. Я хорошо запомнила его имя, потому что он меня тогда водой обливал и заталкивал в комнату. Он же меня раздевал при всех. Я помню его прикосновения. Грубые, жестокие, беспощадные просто.

– Дайте пройти.

– А че такая бледная? Шах так жестко выебал?

– Не ваше дело.

– Это только начало, красатуля, за Каринку хорошо щелью работать будешь! Всех обслужишь, но можешь примкнуть ко мне. Я хороший, приласкаю, обижать не буду...

Его грубость режет слух, и я прикусываю щеку изнутри, чтобы не зарыдать. Мне никто здесь не поможет, они все тут как звери дикие, жестокие. У них свои правила волчьи, которых я пока не знаю.

Этот высокий мужчина в один миг зажимает меня у стены, отчего сразу становится трудно дышать. Он не противен, Ярдан просто жесток и считает меня девушкой общего пользования, которую без проблем можно зажать у стены и лапать за грудь, что, собственно, он сейчас и делает. Мне же больно. Снаружи, внутри, как угодно. Чувствовать себя куклой, которой может коснуться кто угодно, дико унижительно.

– Не надо... не трогайте. Не надо.

– Ярдан! Отвали от нее. Найди себе другую игрушку!

– Иди мимо, Владусь. Нам и так хорошо.

Ярдан трогает меня за талию, опускается большими руками к попе, тогда как у меня перед глазами темнеет. Слабо отталкиваю его, но этот мужик силен. Под два метра ростом детина.

– Я сказала, отвали! Пусть работает, не то Шах тебе по первое число насыпет!

Кажется, этот Ярдан все же управляемый и слушает Владу. Он резко убирает от меня свои руки, кланяется в манерно извиняющемся жесте.

– Все-все! Ну, не дуйся, Владусь, тебе не идет! Увидимся, детка.

Подмигивает мне и уходит, а я хватаюсь за ведро. Пронесло, можно сказать, но надолго ли?

Шах сказал, что я шлюха общего пользования, и они все здесь воспринимают меня именно так. И если вчера, можно сказать, мне повезло, то что будет сегодня, даже не представляю.

До вечера едва дотягиваю. То ли я заболела, то ли просто от нервов какой-то упадок сил. Мне сначала было холодно, но потом стало очень горячо, жарко даже. Рука болит, очень сильно жжет почему-то, хотя Влада утром и перебинтовала ее заново.

Гриша, молодой светловолосый официант, кажется единственным, кто тут хоть с какой-то снисходительностью смотрит на меня. Он подходит ко мне и вежливо предлагает чаю, но Влада быстро шикает на него, отчего Гришу как ветром от меня сдувает.

Я как мусор тут, никчемная, презираемая всеми. Я здесь пленница, хоть на моих руках и нет кандалов.

Ведро с водой тяжелое, движения кистью отдаются болью, когда выкручиваю тряпку, но хуже другое. Я вижу Шаха. Он появляется вечером в зале и замечает меня у ступенек. Я же застываю. Быстро опускаю взгляд в пол. Все тело горит, становится страшно.

А вдруг... вдруг он сегодня еще раз придет или разрешит своим волкам зайти? Тот жуткий Ярдан и Соболь, кажется, еще были Сыч и Кирилл. Они меня делили тогда. Как овцу на базаре.

По спине ползет мерзкий холод, поэтому я резко разворачиваюсь и просто сбегу в комнату. Закрыв дверь, сразу же лезу за сумкой. Мне нужно спастись отсюда. Хоть как-то, должен же быть способ, я не могу здесь оставаться, так как знаю, что это смерть для меня, однако если убегу... будет хуже.

Достаю из заначки сумку, хватаю телефон, включаю.

Черт, всего три процента зарядки!

Прислушиваюсь к звукам, быстро набираю номер. Ну, ответь же, давай!

Гудки идут долго, а потом резко сбиваются. Снова и снова. Боже.

Зарядки два процента.

Дрожащими пальцами набираю сообщение:

“Шах меня забрал! Его сестра мертва! Этот бандит уверен, что я девушек продавала, он требует имена!”

Ответ приходит в ту же минуту. Я читаю это сообщение и понимаю, что попала в ад, из которого никто меня вызволять не собирается. Дура, дура, дура... я в западне, в ловушке, и я ничего не могу с этим сделать. Он поймал меня, подвесил на крючок, приколот булавкой к стене и играет. Мне никто не поможет... никто.

В коридоре раздается шум, телефон тухнет, и я едва успеваю спрятать его под кровать, прежде чем распахивается дверь и я вижу в ней Шаха. Его глаза начинают опасно блестеть при виде меня. Мне же хочется прикрыться, забаррикадироваться от него бетонной стеной. Его энергетика слишком сильна для меня, опасная, жестокая, ломающая каждую клетку.

Чувствую себя загнанной ланью в клетке со львом. Мои шансы равны нулю.

– Ожила уже?

Закрывает дверь, идет на меня тяжелым шагом. В черной рубашке с закатанными рукавами и таких же джинсах, грубых ботинках.

Пячусь от него назад, прекрасно понимая, что выхода нет. Шах загнал меня, как мышку, он сотворит со мной то же самое, что делал прошлой ночью, и от этого слезы подкатывают к глазам. Эта его ненависть – она меня убивает.

– Не подходите!

– Не то что? Стекло убрали. Или ты зубами теперь будешь грызть вены?

– Надо будет – зубами перегрызу!

Усмехается своей белозубой улыбкой. Идет как меня, как танк, напролом просто.

– Ты такая наивная, если думаешь, что я просто так дам тебе сдохнуть. Нет, Катюш. Не бывать этому. Вспомнила чего нового?

– Нет, не вспомнила!

– Снимай тогда тряпки, кукла. На колени.

Глава 12

Шах идет ко мне, а у меня сердце за секунду ускоряется до предела. Осторожно пячусь назад, пока в спину не упирается холодная стена.

– Что ты жмешься там, подойди.

– Нет. Пожалуйста...

– Или подойдешь, или я сам. Тебе не понравится.

Набираю побольше воздуха, почему-то становится каменным живот. Напряжение настолько сильное, что не дает нормально дышать.

Делаю шаг вперед. Второй, третий, пока не оказываюсь перед Шахом. Он очень высокий, приходится высокого задрать голову, чтобы встретиться с его глазами.

– Снимай одежду, лялька.

– Я не лялька! Я не ваша игрушка! Я человек, а не вещь!

Не опускаю голову. Не буду такой слабой, как вчера. Не позволю пользоваться собой, как вещью.

Вздрагиваю, когда чувствую его горячие пальцы. Змей поддевает мой подбородок, а после касается волос, собранных в тугую косу. Одно движение, и моя самодельная резинка из шнура слетает, волосы крупными волнами спадают с плеч до самого пояса.

– Ты правильно сказала, девочка. Ты моя вещь, кукла, и я буду пользоваться тобой так, как захочу, за то, что ты лишила меня семьи. Ты же ничего не хочешь мне рассказать, ляля?

Коротко мотаю головой. Мое молчаливое “нет” служит ответом. Ему не сломать меня. Дальше просто уже некуда ломать.

– Тогда и права на “нет” у тебя не имеется. Будешь противиться – я на тебе места живого не оставлю.

Он говорит правду, Шах не играет, и его слова не пустые угрозы, однако почему-то я это не принимаю. Я не принимаю насильно быть его.

Вздрагиваю, когда этот монстр привлекает меня за талию к себе. Близко так, что аж дыхание спирает. Я чувствую животом, что он возбужден, Шах меня хочет, снова хочет сделать мне больно.

Монстр сканирует меня взглядом, проводит руками по спине, опускаясь ниже. Кладет ладони мне на попу, и я не выдерживаю, просто срываюсь. Даже от себя не ожидаю, как с силой отталкиваю Шаха и врезаю ему хлесткую пощечину.

– Не трогайте! Я ничего вам не скажу, и даже если бы знала, кто сестру вашу убил, не сказала бы специально! У такого, как вы, не может быть семьи, вы просто подонок, животное, не заслуживающее ничего! Лучше выкиньте меня, убейте, но хватит меня мучить, хватит! Я не хочу быть вашей игрушкой, не хочу!

Шах молчит, вижу только, что злится, сканирует меня потемневшим взглядом. Его ноздри трепещут, он тяжело дышит, и мне становится не по себе. Такое ощущение, что он меня ударит в ответ, но он поступает хуже. Гораздо хуже.

– Не хочешь быть моей игрушкой – станешь общей.

Все случается очень быстро. Ухватив меня под руку, Шах тащит меня на первый этаж. Сейчас вечер, есть посетители, но на нас никто не обращает внимания. Вижу только, как его волки следуют за нами. Как волчата за вожаком.

Рустам заталкивает меня в одну из дальних ВИП-комнат, я приземляюсь на мягкий диван. Брошенная им, как овечка на растерзание.

– Хотели игрушку? Развлекайтесь!

Их четверо. Шах оставляет меня среди них, разворачивается и просто уходит, тогда как эти мужики, точно голодные волки, уже наступают прямо на меня. Рустам сдержал свое слово. Он сделал меня общей игрушкой, девкой общего пользования.

Двери ВИП-комнаты закрываются. Я остаюсь наедине с ними.

От ужаса даже кричать не могу. Слышу только, как прыгает сердце в груди. Они меня разорвут тут на куски, от меня не останется ничего. Здесь Ярдан, Сыч и еще двое незнакомых мне мужиков.

– Привет, красотуля.

Ярдан подходит первым, я пячусь от него, но он быстро меня ловит, привлекая к себе.

– Ну чего, поиграем?

– Тронете – я закричу!

– Хм, да кричи.

Просто пожимает плечами.

– Тут хорошая звукоизоляция. Можно выть хоть до утра. Гости даже ухом не поведут.

– Пожалуйста, я умоляю! Я вам заплачу, много заплачу!

Они лишь усмеваются, жадно смотря на меня. Дикие животные, не иначе, которые поняли, что им можно делать со мной все.

– Тем баблом с продажи девок заплатишь, да, малыш?

Пячусь к стене, забиваюсь в самый угол. Они меня загнали. Никто из этих мужиков не поможет мне. Они даже девушкой меня не считают, а просто куклой для забавы.

– Ярдан, пожалуйста... Я никого не продавала! Вы же не звери... Ну не надо!

Голос сбивается. Они все как на подбор. Высокие, плечистые, опасные мужики. Они окружили меня. Мне не спастись.

– Прости, заюнь, я не зверь, но сегодня ты наша.

В этот момент Сыч тянет ко мне руки, но я резко уворачиваюсь.

– Не трогайте, не-ет!

Бегу к двери, но один из амбалов заслоняет ее собой, тогда как второй с легкостью хватает меня за талию, отрывая от земли. Они сильные, а я и правда как кукла. Беспомощная, бесправная лялька, которую они все хотят сломать.

Пытаюсь драться, но эти сволочи в один миг заламывают мне руки за спину, больно стягивают их ремнем прямо на запястье, которое уже просто горит огнем. Я оказываюсь практически обездвижена, а потом начинается какой-то ад.

В доли секунды они раздирают на мне майку, обнажая до пояса. Касаются сильными руками голой груди, сдавливая соски. Больно, грубо, до искр из глаз, явно оставляя синяки.

– Не сопротивляйся, девочка. Слышишь? Успокойся лучше.

Голос Ярдана. Он единственный, кто не трогал меня еще, но он смотрит, и он ничем не лучше остальных.

Мне страшно. Эти звери играют со мной. Передают из рук в руки, сажают на колени, трогают волосы, грудь, живот, лицо, до боли сжимают бедра и попу. Безвольная кукла, лялька для забавы – вот кто я для них такая.

Кажется, еще немного – и у меня остановится сердце от ужаса. Это все Шах. Он меня так наказал за непослушание. Я сделала ошибку, я должна была слушать его...

– На колени ее ставь!

– Открой рот, шлюха!

– Нет-нет-нет! Не надо-о-о! А-а-а!

Их руки как клешни. Такие сильные, чужие, жестокие. Покидав меня, как мячик, они с легкостью ставят меня на колени с завязанными руками. Когда один из них расстегивает

ширинку, я не выдерживаю. Я начинаю кричать, невыносимо сильно задыхаясь, дрожа всем телом от дикой истерики.

Они меня тут разорвут, я умру, боже, я не могу в это поверить.

Перед глазами все темнеет, и я слышу только свой крик, безумный, сорванный до хрипоты голос.

Когда я уже практически отключаюсь, мне кажется, я слышу ЕГО – жестокий бас моего монстра:

– Стоп.

Его низкий голос разрывает тишину. Я сижу на коленях, голая до пояса. Руки связаны, все тело горит, я буквально чувствую, как на мне уже проступают синяки.

От слез не вижу почти ничего, только его очертания. Шах пришел, наверное, для того, чтобы добить меня самому. Мне тяжело дышать, из груди лишь судорожные хрипы вырываются. Я не плакала так навзрыд даже вчера, когда он меня ломал впервые.

Меня кто-то держит за волосы, тогда как я вся дрожу. Я совсем не чувствую пальцев. Они онемели, меня всю просто колотит, и, кажется, я скоро сдохну. Быстрее бы. Лучше умереть, чем чувствовать все это.

– Руки от нее убрали! Хорош.

– Ну, Ша-ах, мы только начали! Зайди через полчаса.

– Я сказал, довольно, Сыч! Вышли все отсюда. Ярдан!

В голосе Шаха сталь, и я невольно сжимаюсь. Я не могу прикрыться, встать и уйти – я сейчас ничего не могу. Шах меня унизил, он показал мне мое настоящее место.

Сильные руки на моих волосах разжимаются, и я опускаю голову. Я не могу смотреть на них, волосы спадают на плечи, полностью прикрывают спину и немного грудь. Мне страшно и как-то плохо. Кажется, я сегодня умру.

Я слышу его тяжелые шаги, вижу начищенные ботинки. Рустам подходит и наклоняется ко мне. В его руке блестит лезвие ножа. Я же не сопротивляюсь. Пусть сделает это, быстрее бы! Я хочу этого, мамочка, как же сильно я хочу сейчас сдохнуть, но вместо удара я чувствую, как Шах касается моих рук и с легкостью перерезает ремень.

Мои руки теперь свободные, и я прижимаю их к груди, стараясь прикрыться. Все еще не смотрю на них, на него, не могу просто.

Еще миг, и Рустам сует мне в руки какой-то большой пиджак, берет меня за лицо, поднимает за подбородок. Вздрагиваю, когда он большим пальцем вытирает мои слезы, и вижу его серьезное лицо, блестящие черные глаза. Такие диковинно красивые, серьезные, жестокие.

– Теперь ты поняла, что меня надо слушать?

– Д... да. П... поняла, – отвечаю, всхлипывая, роняя слезы. Шах наглядно мне показал, что он здесь главный, а я все же его кукла. Я это отлично поняла, но лучше Рустам, чем все они. Лучше один зверь, чем четверо.

– Иди в комнату и умойся.

Дважды повторять мне не нужно. Я быстро прикрываюсь пиджаком и на деревянных ногах выползаю из этого ада. Едва добравшись до комнаты, плескаю холодную воду на лицо. На моем теле уже проступают следы от чужих рук, но хуже другое: я кукла Шаха, я ему принадлежу. Я должна быть его, и если хочу выжить, то права на отказ у меня больше нет.

Выхожу в комнату, подхожу к окну. Мне как-то душно, жарко, то и дело кружится голова и сильно жжет запястье. Мне не выбраться. Я птичка в клетке, которую рано или поздно просто прихлопнут, как моль.

Вздрагиваю, когда хлопает дверь, а в ней он стоит. Мой персональный дьявол по имени Шах.

Глава 13

Слезы застилают глаза, но я упрямо их держу. Не стану больше реветь перед ним, показывать свой страх. Ему плевать на это, Шаху все равно на то, каково мне.

– Я хочу, чтобы ты разделась и слушала меня.

– Хорошо, – коротко киваю. Спорить с ним нет смысла, а испытывать терпение Змея больше нет никакого желания.

Теперь, кажется, я полностью понимаю, куда и к кому я попала. Здесь нет прав, нет законов. Я угодила в лапы к бандиту, который может сделать со мной все что угодно, и ничего ему за это не будет. Меня даже не найдут, хотя... искать даже никто не станет.

Молча стягиваю с себя одежду. Всю, даже трусы. Опускаю голову, замираю перед ним.

Шах подходит ближе, сканирует цепким взглядом. Прикусываю щеку изнутри, когда он проводит пальцами по уже успевшим проступить красным ссадинам на груди и талии, руках. При этом он недовольно сжимает челюсти, и я не понимаю, почему он злится.

– Тебе понравилось то, что делали с тобой парни?

– Нет. Я буду... буду слушаться вас.

От страха зажимаюсь, все тело трепещет с ним рядом. Таким высоким, опасным, сильным.

Нежную кожу груди опаляет, когда Рустам подносит ко мне руку и берет локон волос, проводит по нему пальцами, а после касается кожи шеи, опускается к ключице, накрывает грудь ладонью. Совсем не так больно, как это делали те звери в кабинке. Напротив, Шах делает это очень нежно, будто играет со мной, проверяет уровень моего подчинения ему.

Когда монстр прикасается к моему соску, осторожно сжимая его между пальцами, я просто не выдерживаю.

– Пожалуйста... не прикасайтесь ко мне!

– Тебе не нравится?

– Нет.

Заправляю волосы за ухо чисто машинально, и почему-то зверь ухмыляется.

При этом пытку он не останавливает, а наоборот, накрывает всей огромной ладонью полушарие моей груди, сжимает, прикасается так уверенно и смело... точно к своей вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.